

Разоблачить тирана

Андрей Щербин

Об авторе

Андрей Щербин (Андрей Щербин) родился в 1985 году в городе Ялта, Украина, и до 13 лет жил в Санкт-Петербурге, Россия.

Происходя из семьи, исторически преследуемой сталинским режимом и сосланной в Узбекистан, он эмигрировал в Аргентину в 1998 году по решению своей матери, которая опасалась возможного возвращения коммунистического режима или того, что ее детей отправят на войну, в то время — в Чечню.

Уже в Буэнос-Айресе автор получил образование паркового смотрителя и учителя, одновременно начав свою деятельность в качестве экологического, социального и животного активиста. Вместе с другими товарищами по борьбе он возглавил наступление на зоопарки, добившись исторических преобразований в этих анахроничных учреждениях. Он также основал группу против экспериментов на животных, придав видимость темному миру лабораторий.

Эти разные темы объединены логикой, которая с самого детства присутствовала в мыслях автора: борьба единая. Открытие механизмов угнетения, господства, властных отношений помогает нам разорвать цепи — как свои собственные, так и те, которые мы накладываем на других.

...мне остается только поблагодарить всех, кто помог мне воплотить эту работу в жизнь, и всех, кто ее прочитает.

Знаете, в этом обществе многие выбирают жить так,
как будто они на празднике,
но есть и другие, которые предпочитают брать на себя ответственность,
которые хотят изменить этот мир, те, кого задевает каждая
несправедливость.

За каждым из концепций, которые мы критикуем, за
каждым аспектом системного угнетения, который
мы рассматриваем, стоят реальные люди
страдают, подвергаются отчуждению, становятся
невидимыми, лишенными возможности в полной мере
наслаждаться своей жизнью.

Поэтому теоретическая основа, изложенная на этих страницах, является
руководством и призывом к действию, а не интеллектуальным
исследованием, предназначенным для книжной полки.

Предисловие

Почти 500 лет назад Этьен де Ла Боэси написал свою работу «*Рассуждение о добровольном рабстве*». Несмотря на этот большой вклад в либертарианскую теорию и многие другие, которые имели место уже с XIX века, послушание и рабство по-прежнему остаются основой общества. В этом тексте я постараюсь объяснить, с моей точки зрения, некоторые из этих механизмов.

Мы рассмотрим основы государства и дилемму индивидуальной и коллективной свободы, а также я выскажу ряд критических замечаний в адрес демократической модели и меритократических обществ, а также социализма и предложений по обеспечению социальной справедливости. В рамках этого введения к новому изданию я должен сказать, что меня не перестает беспокоить утрата культуры и критического мышления, которую мы наблюдаем и которая с каждым годом ускоряется. Развитие технологий происходит исключительно быстрыми темпами. Возможно, новые поколения никогда в жизни не прочитают ни одной книги целиком, заменив их социальными сетями и краткими изложениями основных произведений в виде нескольких минутных видеороликов. Я предупреждаю вас о серьезности этого явления, поскольку изложение — это не что иное, как вывод, сделанный другим человеком, произвольная и субъективная синтеза.

Эта работа основана на моем исследовании и сравнительном анализе нескольких произведений. Если читатель или читательница не знакомы с изложенными концепциями, я рекомендую прочитать исходный материал, это обогатит их мировоззрение. В тексте содержатся ссылки на произведения, исторические факты и концепции, которые не объясняются; в противном случае текст был бы слишком объемным. Однако я надеюсь, что это пробудит их любопытство и побудит к личным поискам.

Государство эпохи Этьена де Ла Боэси было государством, которое мы назовем патерналистским: жесткой иерархической пирамидальной структурой, прибегающей к самым суровым и прямым репрессиям для удержания власти, природа которой в то время оправдывалась религиозной басней. Именно это патерналистское государство представляет собой отцовскую фигуру общества, которое соглашается быть «воспитанным» и управляемым во всех отношениях властью.

Французский философ был удивлен тем, как люди подчинялись и подчинялись королю, единственному господину, которому они представляли абсолютную власть как творить добро, так и творить зло, полностью отдаваясь его прихотям.

Несмотря на это, цитируя Жана Руссо, мы можем утверждать: «Самый сильный никогда не будет достаточно сильным, чтобы всегда доминировать, если не превратит свою силу в право, а повиновение — в обязанность». Итак, когда мы оглядываемся назад на изменение этой силы, мы видим, как государство перешло от грубой, жестокой и репрессивной формы к более изощренным методам контроля. Причина заключается именно в том, на что указывал Руссо: долгосрочное господство с помощью прямой силы изматывает государство, в конечном итоге порождает механизмы сопротивления и, в конечном счете, готовит почву для революции.

Глава 1

Дilemma свободы и меритократии

Любой идеал недостижим, любая утопия нереализуема. Тем не менее, она дает нам тот горизонт, который, как говорил Эдуардо Галеано, «помогает нам идти». Однако мы должны быть внимательны к тому, что с нами происходит, пока мы идем, чтобы, продвигаясь вперед, не превратиться в монстров.

Те, кто правит, заявляют, что их цель — благополучие граждан. Исторически эта риторика делала акцент на обеспечении порядка, стабильности и безопасности народа. Сегодня лозунг, который лучше всего доходит до избирателя, — это обещание решить экономические проблемы и удовлетворить некоторые социальные требования. Согласно господствующей идеологии, современные общества можно разделить на две большие группы: меритократические и социально справедливые. Обе обещают свободу и благополучие, хотя подходят к идее свободы с разных сторон... Но что такое свобода?

Свобода — это возможность идти туда, куда мы хотим, исповедовать религию по своему выбору, думать, писать, говорить и общаться с кем мы хотим. Быть свободным от всякого угнетения — это свобода, но разве это вся свобода? Если мы не можем раскрыть весь свой потенциал, если у нас нет доступа к образованию, если у нас нет средств для покупки еды, книг, компьютеров или просто нет времени, это ограничивает нашу свободу и наше интеллектуальное, физическое и духовное развитие.

Речь идет о двух концепциях свободы, известных как «позитивная свобода» (которая позволяет мне развивать свой внутренний потенциал) и «негативная свобода» (которая позволяет мне использовать и наслаждаться этим потенциалом).

Бродяга «свободен». Свободен записываться в школу и заканчивать ее, свободен изучать какую-либо профессию, свободен ходить по улицам и публично выражать свое мнение. Он свободен устроиться на работу. Он даже свободен когда-нибудь стать президентом страны, но все эти (негативные) свободы мало что значат для человека, который не имеет способностей или средств, чтобы ими пользоваться. Таким образом, мы живем в обществе, которое уравнивает наши негативные свободы, но то, что определяет степень свободы, — это знания, навыки, социальное положение и, конечно же, деньги. Если бы жизнь была партией в шахматы, негативная свобода означала бы возможность перемещать наши фигуры без ограничений, но чтобы чего-то добиться, чтобы играть наравне с другими, чтобы развить партию, нужны знания, навыки, образование. Без этих вещей мы бы только перемещали фигуры, не могли бы ничего планировать и принимать реальные решения.

Отрицательная свобода — это свобода, в которой нуждается дикое животное. Люди, живущие в условиях все более сложного общества, нуждаются в инструментах для развития своего потенциала, и здесь возникает интересный вопрос: какие знания, какое образование дают нам свободу, а какие, напротив, формируют нас как послушных и негибких людей? Никто не является полностью свободным в этом смысле, все мы находимся под влиянием определенных условий. Однако нельзя отрицать, что этот багаж позволяет нам быть более свободными: решение, принятное человеком, знакомым с миром и наукой, не имеет того же значения, что и решение, принятое человеком, который ничего этого не знает. Позитивную свободу трудно оценить, потому что по мере развития нашей цивилизации требуется все больше и больше знаний, чтобы понять ее сложность, и, что еще хуже, наука и идеи быстро развиваются, но образование и общие знания, похоже, стоят на месте. Это приводит к такому дисбалансу, что мы живем в окружении технологий, идеологий, политики и знаний, которые мы не понимаем, но нам внушают, что мы свободны...

Мы злимся на людей, потому что они поддаются пагубным идеологиям, но часто не осознаем, насколько сложны концепции, необходимые для понимания того, почему они неправы. Идеологии ненависти и теории заговора хорошо упакованы и успешно манипулируют нами, потому что наши умы не обладают достаточными знаниями и навыками. Легче сказать, что мы свободны и что падение — дело каждого, потому что он глуп или злой, но давайте посмотрим на примеры из прошлого. Войны, диктатуры и геноциды были устроены обычными людьми, такими же, как мы. Все это происходит потому, что их свобода не соответствовала обстоятельствам

обстоятельствам, они были манипулированы, потому что не обладали когнитивными инструментами, чтобы увидеть реальность за сценой.

К чему все это? Цель не в том, чтобы снять с людей вину, а в том, чтобы попытаться увидеть неравенство, в котором они находятся, принимая якобы свободное решение. Сообщество, которое живет самодостаточно и едва выживает, может быть манипулировано правительством или компанией, чтобы уступить свою землю в обмен на краткосрочные выгоды. Сообщество с низким уровнем образования (и я не имею в виду формальное образование), встроенное в национальную производственную модель, позволяет «свободно» разграблять природные ресурсы. С какой реальной свободой мы выбираем это?

Естественно, мы представляем себе логичное: что обе свободы идут рука об руку и важны. Однако между ними существует очень большая диссоциация из-за гегемонной нарративы, которая варьируется в зависимости от типа правительства и системы, в которой мы находимся.

Когда мы погружаемся в глобальную политику прошлого века, мы видим постоянную борьбу между двумя противоположными системами: моделью американской мечты, основанной на меритократии, и социалистической моделью, основанной на социальной справедливости. Капитализм делает ставку в основном на негативную свободу: «если хочешь, ты можешь». Таким образом, он возлагает на индивидуума ответственность за успех или неудачу. Социалистическая модель стремится создать равные условия, чтобы каждый гражданин мог развиваться: позитивная свобода. Первая модель является индивидуалистической, вторая — коллективистской. Возникает вопрос: почему эти две модели являются противоположными, если обе свободы важны? Обе стремятся к общему благу, но у каждой есть своя темная сторона.

Идея выбора в соответствии с индивидуальными заслугами, а не с определенными правами по рождению или социальному положению, как предлагает меритократия, очень благородна; обычно против нее невозможно выдвинуть никаких аргументов. Назначать генералами армии детей высокопоставленных офицеров или выбирать депутатами людей, у которых есть деньги, всем нам кажется неправильным, по крайней мере, в западных обществах. Очевидно, что никому не нравится, когда руководители назначаются за то, что они «друзья...» или «сыновья...».

Мы хотим, чтобы они занимали эти должности благодаря своим способностям и были выбраны самым справедливым образом. Всем нам кажется правильным, что человек, который работает больше, получает больше, чем тот, кто работает меньше. Однако это не исчерпывает понятие меритократии. То, что мы только что описали, следуя определениям различных свобод, является лишь негативной меритократией. Теперь вопрос: как люди приобретают то, что необходимо для участия в этих справедливых отборах? Если в стране

только 1% людей умеют читать и писать, и я собираюсь выбрать президента, то, очевидно, я буду выбирать из этого 1%. Для тех, кто входит в этот процент населения, отбор будет справедливым и прозрачным, но что будет со всеми остальными?

(Отрицательная) меритократия является индивидуалистической, она хорошо вписывается в капиталистическую модель производства, а также в иерархическое общество, разделенное на различные элементы власти, потому что иерархия объясняется заслугами. Если меритократия предполагает, что все люди получают вознаграждение, соразмерное их заслугам или усилиям, то те, кто имеет много, приложили много усилий, чтобы это получить, а те, кто имеет мало, не приложили достаточно усилий. Однако в удаче нет никаких заслуг: система привилегирует тех, кто родился богатым. В конечном счете, это всего лишь еще один способ сохранить *статус-кво*.

Социальная справедливость, несмотря на то, что она является противоположностью капиталистической модели, явно несовершенной с человеческой точки зрения, сталкивается с очень серьезными проблемами, когда ее пытаются реализовать в чистом виде. Социалистическая система, сосредоточиваясь почти исключительно на исторической компенсации угнетенных групп (рабочий класс, отличный пример) и пытаясь выровнять общество в отношении доходов, здравоохранения, образования и услуг, часто игнорирует стимулы к индивидуальному росту, который воспринимается с подозрением. Поскольку государство стремится к ужесточению мер для обеспечения равенства, оно сталкивается с другой серьезной проблемой: растущим внутренним недовольством, подпитываемым интересами рынков, которые считают такое выравнивание несправедливым. Перед лицом этой угрозы государственный аппарат вынужден ограничивать индивидуальные свободы, поскольку ему необходимо предотвратить восстание. Все национализируется, запрещается критика и контакты с внешним миром и т. д. В противном случае проект провалится, демократические институты, свободные выборы, свободный рынок — все это способствует проникновению капиталистических, индивидуалистических, меритократических идей и практик. Одним словом, государство ограничивает негативную свободу с целью продвижения позитивной свободы населения, но может ли это сработать? В глобализированном мире, где экономика управляет капиталистической системой, это чрезвычайно сложно сделать, к тому же это связано с очень высокими затратами: человеческая цена негативной свободы настолько велика, что ставит под сомнение сам смысл этой модели.

Свободный рынок — еще один принцип капитализма: невмешательство государства в рыночные механизмы обеспечило бы здоровую конкуренцию

между предприятиями и гарантировало бы экономическое благосостояние. Однако практика показывает, что свободного рынка не существует в условиях столь заметного неравенства, как между малыми и средними предприятиями и гигантскими транснациональными корпорациями.

В этих, казалось бы, нейтральных и лишенных эмоций утверждениях работник предстает как независимый субъект, который сам выбирает, на кого работать, кому продавать свою рабочую силу. На самом деле этот выбор является фиктивным. Немного лучше или немного хуже — это не решает проблему статистики, тем более в условиях дефицита рабочих мест.

Концепция свободного рынка тесно связана с меритократией и действует таким же образом, возлагая всю ответственность на индивидуума. Если человек беден, это его выбор, он выбирает быть бедным. И если его эксплуатируют, то тоже, потому что кто мешает ему искать лучшую работу? На все более требовательном рынке, где даже высшее образование не гарантирует достойную работу, виноватым считается сам человек, который позволяет эксплуатировать себя на грязной работе, даже если поступление в университет, пусть даже государственный, доступно лишь меньшинству.

В этом смысле школа и университет выполняют необходимую функцию по разделению населения на более и менее эксплуатируемые слои. Даже сам человек чувствует себя менее способным из-за того, что не закончил учебу, и не стремится к более высокооплачиваемой работе. Он знает, что, если не закончил среднюю школу, ему придется довольствоваться, вероятно, неформальной и плохо оплачиваемой работой, а если у него нет высшего образования, то, в лучшем случае, он окажется на фабрике или в качестве отбракованного персонала в какой-нибудь эксплуататорской компании. Человек сам себя вписывает и классифицирует на рынке труда. Каждая компания выдвигает произвольные условия, и мы, работники, должны их принять или отказаться. Поэтому необходимо вновь понять, что рабочий класс является обездоленным.

Какую ценность мы ищем? Какую жертву мы предлагаем? Идея о том, что «работа» придает «ценность» человеку, разделяется как в коммунистической, так и в капиталистической модели. Нелегко уйти от этой мысли, когда вся наша жизнь вращается вокруг работы. Среди немногих, кто исторически выступал против идеи работы как источника достоинства, были анархисты. Например, Северино ди Джованни, который говорил:

«Чем больше мы работаем, тем меньше времени у нас остается для интеллектуальных занятий или идеалов; тем меньше мы можем наслаждаться жизнью, ее красотой, удовольствиями, которые она может нам предложить; тем меньше мы наслаждаемся радостями, удовольствиями, любовью. Нельзя требовать от уставшего и измощденного тела

заниматься учебой, чувствовать очарование искусства: поэзии, музыки, живописи, и тем более иметь глаза, чтобы любоваться бесконечной красотой природы. Исчерпанное, измученное работой, истощенное голодом и чахоткой тело не желает ничего, кроме сна и смерти. Это грубая ирония, кровавая насмешка — утверждать, что человек после восьми или более часов ручного труда еще имеет в себе силы развлекаться, наслаждаться в высшей, духовной форме. После изнурительного труда он обладает лишь пассивностью, которая притупляет его чувства, потому что для этого ему нужно только упасть, поползти. Несмотря на лицемерных прославление труда, в современном обществе он является лишь наказанием и унижением. Это грабеж, жертва, самоубийство».

Третий столп, который нам предстоит снести, является самым сильным и наименее подвергаемым сомнению во всем мире: демократия. Очень часто можно услышать критику меритократии со стороны прогрессивного сектора и критику свободного рынка со стороны социалистов. Однако немногие осмеливаются открыто подвергать сомнению «демократию», концепцию, которая, по-видимому, объединяет лучшие достижения западных обществ на сегодняшний день.

Однако нетрудно найти серьезные несоответствия в демократическом предложении, поскольку оно, как я покажу, руководствуется теми же принципами, что и меритократия и свободный рынок. Современная демократия, которая предусматривает выборы высшей исполнительной власти каждые четыре-пять лет, исходит из того, что взрослые люди знают, чего они хотят, и что они выберут то, что для них лучше. Таким образом, мы можем самостоятельно определять свою судьбу и быть представленными людьми, наиболее достойными этой должности. Все эти предположения ложны. В ситуации монополии или олигополии средств массовой информации, с медийными барьерами и почти абсолютной культурной индоктринацией, невозможно говорить о свободном выборе. Мы выбираем из того, что нам предлагают СМИ, которые в значительной степени подвержены влиянию гегемонистских сил и промыванию мозгов, которому мы подвергаемся на протяжении более чем десяти лет обязательного школьного образования.

С другой стороны, согласно «демократии», любой человек может создать партию и баллотироваться на выборах. Но это должно по тем же причинам, что и свободный рынок: уже созданные партии пользуются поддержкой очень влиятельных людей и могут рекламировать себя гораздо больше, они могут достичь гораздо большего со своей пропагандой, чем мы когда-либо смогли бы. Дело даже не в деньгах: средства массовой информации манипулируются этими силами или даже принадлежат им, поэтому они могут очень эффективно блокировать наши предложения.

Наши общества, особенно «американские», застряли в партийной борьбе. Это очень простая политическая динамика: две или три крупнейшие партии борются за власть на каждом выборах, остальные никогда ничего не достигают. Партия, которая побеждает, почти всегда с помощью ложных обещаний, больше всего заботится о том, чтобы удержаться у власти. Те, кто остаются в стороне, становятся частью оппозиции и в течение четырех лет занимаются критикой всего, что делает действующее правительство, а затем, в конечном итоге, они избираются, и те, кто были у власти, становятся критиками. Может показаться, что такая динамика помогает поддерживать баланс политических сил, но на практике она превращает все в борьбу за власть, где принимаемые меры продумываются исключительно с точки зрения их полезности для получения голосов. Когда новое правительство приходит к власти, у него появляется две потребности: защитить себя от критики, для чего всегда очень полезно обвинять предыдущие правительства, и создать нарратив, в котором они являются хорошими. Поэтому, если за них не будут голосовать, все пойдет к худшему. В этой динамике партийной борьбы тот, кто обладает властью, хочет только ее сохранить, а тот, кто ее не имеет, хочет ее получить. Это может показаться слишком упрощенным, но давайте посмотрим, что происходит с «избирателем», вовлеченным во всю эту борьбу.

Перед лицом могущества СМИ и пропаганды избиратель в конечном итоге выбирает из представленных политических вариантов, которые, как правило, являются противоположными или, по крайней мере, сильно отличающимися друг от друга. Выбранная идеология начинает определять направление и устанавливает критерии, по которым избиратель оценивает все политические предложения. Если предложение исходит от демократов, а он является республиканцем, он будет рассматривать его с предубеждением, потому что поддержка чего-либо от «вражеской» или «оппозиционной» партии означала бы помочь ей. Постепенно мы создаем «разлом», в котором «другой» все больше стигматизируется, а его предложения всегда воспринимаются негативно. Даже правительствам становится почти невозможно управлять без большинства, потому что политики других партий просто получают приказ не голосовать за все, что исходит от оппозиционной партии. Это жестокая борьба, в которой наименее важны реальные меры. Сама «демократия» является маской, если нет возможности проголосовать за что-то действительно другое, по какой бы то ни было причине.

Можем ли мы проголосовать за 6-часовой рабочий день и одинаковую заработную плату? Можем ли мы проголосовать за то, чтобы средства производства были общими? Можем ли мы проголосовать за то, чтобы никто не мог унаследовать половину страны? Можем ли мы проголосовать за то, чтобы компании делились прибылью с сотрудниками, а не эксплуатировали их, забирая все себе? Нет? А если бы мы проголосовали, по чуду жизни, думаете, это действительно произошло бы?

Это как в казино: вдруг выпадает идеальная комбинация, которая гарантирует вам миллионы, но вам отказываются платить. Зачем играть, если нельзя выиграть? Это просто афера.

Обычно, когда речь заходит о том, чтобы обвинить отдельного человека в проблемах демократии, внимание обращается на определенный сектор населения, почти всегда на бедных, что подкрепляет элитарную идею о том, что демократия будет функционировать хорошо, если бедные люди без образования не будут голосовать. Но именно в этом и заключается меритократическая суть демократии: мы даем им возможность сделать что-то другое, но не даем им инструментов для принятия такого решения, и поэтому, когда они выбирают всегда одно и то же, это их вина.

Несмотря на все сказанное, нельзя сбрасывать со счетов возможность долгосрочных изменений, если будут сделаны некоторые структурные корректировки. Хотя партийность — это шоу, служащее власти, демократия могла бы функционировать напрямую, без партий. Хотя это не решило бы все проблемы волшебным образом, появилось бы больше места для обсуждения конкретных мер и выхода из порочного круга партийности.

Таким образом, мы можем разделить современную меритократию на три части: экономическую, политическую и социальную. Она действует одинаково во всех трех областях. Она предлагает правила игры, якобы равные для всех, которые на самом деле приносят пользу одним и подчиняют других, оправдывая это неравенство аргументом о том, что возможность успеха была предоставлена всем людям в равной степени.

Глава 2

Моральный неолиберализм

Опасаясь впасть в обобщения, характерные для такого рода анализа, я все же осмелюсь утверждать, что большинство людей не понимают значения неолиберализма. В лучшем случае, наше определение этого явления сосредоточено на либерализации и дерегулировании рынков, сокращении роли государства, приватизации и т. д. Мы редко упоминаем о социальных последствиях неолиберализма. Мы говорим о гипериндивидуализме, разрушении социальных связей и потребительстве, но не о морализации индивидуального поведения как единственном предложении для структурных изменений. Неолиберализм делает акцент на индивидуальной ответственности, понимая, что социальные изменения происходят от каждого вверх, таким образом, мы имеем тех политиков, которых заслуживаем, как

общество; полицию, которую мы заслуживаем... Такой взгляд очень хорошо вписывается в капиталистический и меритократический порядок Запада, о чём мы уже упоминали. Когда мы сталкиваемся с новыми борьбами: за окружающую среду, за права животных, или с не такими новыми, но с обновленными подходами: феминизм, социальные борьбы в целом, трудно не увлечься этими неолиберальными идеями, которые укоренились в нас бессознательно. Мы воспроизводим механизмы, которые приводят борьбу в тупик.

Мы можем найти некоторые из наиболее ярких примеров того, как эти моралистические подходы глубоко проникли в нарратив современного экологизма и веганства. Это не опровергает основные положения этих борьб, которые я полностью разделяю.

Экологическая сфера развивается по двум основным направлениям: ветвь индивидуальной ответственности, где гражданин должен быть более «экологичным» в своем потреблении, экономить воду, перерабатывать отходы, покупать органические продукты, одежду с ярмарок и все остальное, что делает образ жизни более устойчивым. Другое направление — это правительственные, в рамках которых посредством международных соглашений предпринимаются попытки остановить климатический кризис, а на более местном уровне с помощью законов и судебных запретов в некоторой степени ограничивается вырубка лесов и загрязнение окружающей среды. В целом, это юридическая борьба, в которой также сильно проявляется социальная мобилизация. Ветвь индивидуальной ответственности полностью соответствует неолиберальной логике: быть более «экологичным» уже является частью социального мандата, и делать что-то «загрязняющее» наполняет нас чувством вины. Таким образом, мы также судим других за их «неустойчивое» или потребительское поведение и потребление. Плохо ли судить или чувствовать себя виноватым за то, что не ведешь себя экологически правильно? Я не думаю, что это плохо, но возможно, что часто это отвлекает внимание от сути дискуссии.

Изменения в личном поведении произойдут естественным образом, если будет желание это сделать. Единственный способ заставить людей измениться — это введение штрафов и запретов со стороны государства. Приведем актуальный пример: в Мендосе многие люди в настоящее время протестуют против горнодобывающих компаний из-за растраты воды в регионе, где этот ресурс является дефицитным. Вместо этого они могли бы преследовать каждого гражданина, который два раза в месяц наполняет бассейн или поливает водой тротуар. Эффект был бы не только меньше, но и вызвал бы споры между ними, не решая проблему в корне. Напротив, коллективные действия против горнодобывающих компаний вызывают эффект заражения: если я против растраты воды, то, вероятно, я пересмотрю свое личное поведение в отношении бережного использования этого ресурса.

Многие из нынешних борьб имеют эти два аспекта: индивидуальное поведение и коллективные действия, такие как протесты или реформы. Другим ярким примером этого является веганство, хотя оно пошло гораздо дальше в моральном плане.

Снова имеем индивидуальное поведение: не потреблять продукты животного происхождения, не использовать животных каким-либо образом. С другой стороны, имеем коллективные действия: протесты против зреящих с участием животных, скотобоен, мест, где проводятся эксперименты на животных, предложения реформаторских или, если угодно, аболиционистских законов и т. д.

В отличие от экологизма, веганство обычно очень строго относится к соотношению индивидуальных и коллективных действий: часто требуется, чтобы человек был веганом, чтобы иметь право протестовать, иначе это было бы непоправимой несообразностью. Очевидно, что если сравнивать это с борьбой против расизма, было бы нелогично бороться за права чернокожих на улицах, имея рабов у себя дома, но я считаю, что это нелогичность, которую рано или поздно заметит сам человек. Я не уверен, что необходимо исключать такого человека из борьбы. В случае многих выигранных или наполовину выигранных битв, таких как битва за зоопарки, в которой я принимал участие, многое было достигнуто именно благодаря огромному количеству людей, которые не были веганами или вегетарианцами, но присоединились к этой борьбе по другим причинам. Я уверен, хотя и не могу этого проверить, что некоторые люди пересмотрели свои потребительские привычки в результате всей публичной дискуссии, которая развернулась вокруг зоопарков.

Если бы сегодня все люди перестали употреблять мясо, то больше не было бы забоя животных: это так же верно, как и утопично. Это наполняет нас чувством вины и обиды по отношению к другим, изолирует нас. Существующая система пытается направить борьбу по индивидуальному пути, зная, что структурные изменения таким образом практически невозможны.

С последним всплеском феминизма и включением борьбы за права ЛГБТ+ произошло нечто подобное: большое внимание уделялось инклюзивному стилю письма и речи, осуждению мачистских взглядов, микромачизму, уличным комплиментам, а затем и публичным осуждениям. Опять же, сильная морализаторство и контроль поведения и потребления (в данном случае, например, потребления телевизионных программ с мачистским содержанием, порнографии и т. д.) и, опять же, все вещи, которые, на мой взгляд, очень важно критиковать и менять все вместе.

Эти новые моральные нормы, навязанные неолиберальной логикой, также могут быть связаны с побочными эффектами: «анти-woke», подъем реакционной правой, анти-все дискурсы, такие как анти-феминизм, анти-веганство, анти-интеллектуализм, анти-экологизм и т. д. Можно сказать, что это

произошло потому, что борьба раздражала «систему», поэтому государственная машина и СМИ создали искусственное неприятие среди населения, чтобы сделать его «анти-woke», но я думаю, что это не лучшее объяснение.

Давайте подумаем вместе: никому не нравится, когда на него указывают пальцем как на непоследовательного, глупого или морально неполноценного человека. Когда появляется новый морализм, люди либо включают его в свою повседневную жизнь и поведение, либо отвергают, и это отвержение может быть столь же жестоким, как и настойчивость другой стороны. Если к этому добавить, что мы живем в меритократических обществах, которые ценят прежде всего негативную свободу, что мы все меньше склонны к самокритике и все менее терпимы к фрустрации, и если к этому добавить фразу, с которой начинается эта книга: «Многие люди стремятся жить так, как будто они на празднике», то мы получим идеальный коктейль.

Есть интересная идея, которая пришла из психологии и предлагает следующее: сначала человек игнорирует критику, реальность или свою собственную непоследовательность, затем он яростно противостоит этой идеи насмешками или нападками, и, наконец, принимает ее. Это описывает процесс, который проходит человек, переживающий горе или не желающий принять то, что причиняет ему боль. Следуя этой логике, некоторые люди считают, что эта «анти-пробужденная» стадия является второй fazой, а следующей будет принятие. Правда, мне эта идея кажется даже опасной, ведь по этому критерию антифашистские группы вот-вот подружатся с неонацистами, не так ли? Абсурд. Только потому, что идеи звучат хорошо, они не могут пересекать дисциплинарные области. Нет, они не находятся в процессе принятия, они находятся в процессе создания коллективной идентичности, основанной на отвержении всех этих морализаторств, что-то, что их объединяет, потому что они чувствуют себя оскорблёнными ими. Все это как нельзя лучше подходит «системе»: меньшинства, активисты, феминистки используются в качестве козлов отпущения, чтобы обвинить их в проблемах, присущих капитализму, таких как индивидуализм, утрата смысла или коллективности.

Другое предложение, которое набирает популярность и сторонников, — это объединение борьбы под лозунгами «Полное освобождение», «Анархо-веганство», «Феминистский антропоцентризм» и другими. Идея ясна и понятна: борьбы пересекаются, имеют общие предметы и цели, однако, когда мы объединяем борьбы, что мы на самом деле объединяем? Лозунг? Наше обязательство по этому другому вопросу? Проявляем ли мы последовательность в других областях? Иногда даже возникает желание морализовать одни вопросы за счет других, так, веганство пытается морализовать экологизм, указывая на его противоречия, поскольку он не учитывает антиспесистскую точку зрения, а экологизм поступает точно так же. Затем появляется феминизм, чтобы указать на несоответствия обоих подходов, поскольку они не учитывают патриархат. Это слои и слои критики, которые необходимы, которые

обогащают дискуссию и перспективу, но часто граничат с пуританством и все большим отходом от реальности.

Когда мы добавляем все больше и больше ярлыков к нашему предложению, нужно быть очень осторожными, чтобы не упростить внутренние дискуссии, которые есть у каждого, например, если я говорю, что собираюсь создать анархо-феминистско-экологическое движение, нужно посмотреть, какую версию каждой из этих причин я собираюсь включить, потому что, очевидно, нет единого анархизма, как нет единого феминизма или экологизма. Если мое намерение состоит в том, чтобы объединить моралистические неолиберальные версии этих борьб, может случиться так, что мое предложение с самого начала станет чрезмерно требовательным к своим последователям и создаст много трудностей при взаимодействии с людьми, которые все это игнорируют.

Кроме того, мы не должны забывать о сложности каждой борьбы, ее технической специфике, ее разнообразии. Например, когда коллективы из других отраслей включают «экологическую проблематику», они обычно делают это под влиянием средств массовой информации, и вопрос сводится к «климатическому кризису» или «потребительству». Повестка дня, навязанная странами «первого мира», где эти проблемы являются наиболее актуальными. Говорить о климатическом кризисе в такой стране, как Аргентина, — это, как минимум, игнорировать тот факт, что на местном уровне существуют гораздо более серьезные и неотложные проблемы, такие как вырубка лесов, уничтожение ледников, использование агротоксиков или нерациональное использование природных заповедников... Говорить о «потребительстве» населению «третьего» мира, которое едва ли имеет что поесть, также свидетельствует о проникновении глобальной пропаганды. Не то чтобы здесь не было потребителей, но если я буду обвинять всех людей одинаково, то я буду делать большую работу на благо системы. Я не критикую этику: я критикую ее замену индивидуальной виной.

Представьте себе, если бы я, будучи анархистом, вышел и сказал людям, что мы в плохом положении по вине каждого из вас, кто голосовал. Что, кстати, верно. Какой результат я бы получил? Нет, анархизм всегда держался в стороне от индивидуальной морализации, хотя всегда был очень насыщенным с моральной и этической точки зрения.

Морализаторство касается частной собственности, государства, существования и действий институтов, а не простых людей, и, очевидно, по мере того, как ведется эта борьба, человек постоянно сталкивается со своими собственными противоречиями.

Когда я говорю: «Борьба одна», я имею в виду другое. Я хочу сказать, что какую бы сферу ни выбрали, она является частью того, что нужно делать, частью сопротивления. Есть тысячи дел, которым можно посвятить себя, и все они важны: выбери одно и борись. Проблема не в том, что

Несмотря на несовместимость этих борьб и их внутреннюю непоследовательность, главная проблема по-прежнему заключается в том, что пока 1% борется, 99% не участвуют ни в чем.

Глава 3

Сpiral фашизма

В этом разделе я хотел бы затронуть некоторые практические вопросы, связанные с фашизмом. Моя цель — не поделиться историческим взглядом, а предложить конкретное руководство и инструмент для понимания и борьбы с угнетением.

Фашизм обычно преподается как изобретение итальянского диктатора Бенито Муссолини, союзника нацистской Германии, побежденного во Второй мировой войне. Но такое понимание фашизма неверно. Да, Муссолини

придумывает название, хотя, в конечном счете, не изобретает ничего нового. Давайте посмотрим, каковы принципы этой идеологии.

Фашистская группа формируется на основе общих характеристик — это может быть национальность, этническая принадлежность, религия, идеология и т. д. — в противовес другой группе или группам, считающимся низшими или вредными. Это было и остается обычным явлением практически везде, особенно в обществах с сильным национализмом или нетерпимостью к разнообразию. Итальянский диктатор доводит это коллективное чувство до максимального выражения: нация — это все, правительство — это все, единство народа — это все, и те, кто противостоят его благополучию, будут считаться врагами. Таким образом, мы сталкиваемся с укреплением группы и одновременно с огромным контролем и постоянной дегуманизацией внешнего врага группы, к которой принадлежим. Используя пропаганду, распространяемую через революционное для того времени средство массовой информации, каким было радио, фашизм сумел укрепить кажущееся национальное единство. Он эксплуатировал глубоко человеческие и универсальные аспекты: племенной инстинкт, потребность в принадлежности и страх исключения. Для применения насилия против внутренних врагов режим использовал как законные, так и внеправовые средства. Сначала он прибегал к вооруженным бандам, в том числе известной как «Черные рубашки», которые преследовали политическую оппозицию, критически настроенных интеллектуалов и этнические меньшинства. Позже, по мере укрепления политической власти режима, эти репрессивные функции были взяты на себя непосредственно государством, что институционализировало насилие как механизм контроля и угнетения.

Сегодня фашизм действует более тонко, за исключением стран, где происходят войны и геноцид, поскольку в таких случаях становится необходимым полный контроль над населением и нарративом. В эпоху цифровых технологий требуются очень мощные инструменты, чтобы люди приняли единственную точку зрения на вещи: ту, которую продвигает государство. Это достигается посредством постепенного лишения прав и свобод. Посмотрим на следующий график:

Эта спираль символизирует путь расширения и укрепления фашизма, который использует факты, которые мы считаем совершенно нормальными, подготавливая наши умы к следующему шагу — что-то похожее на эффект «варёной лягушки»: лягушка выпрыгивает из горячей воды, но остается вариться заживо, если температура воды повышается постепенно. Ни один авторитарный режим не возникает из ниоткуда, за ним стоит хорошо подготовленная почва с идеологической обработкой, контролем, послушанием и страхом.

Многие интеллектуалы утверждают, что разделение на правых и левых в политике сегодня уже не актуально. Однако для меня все очень ясно: те, кто усиливает эту спираль, являются правыми, по крайней мере в этом конкретном вопросе. Конечно, эту картину можно было бы дополнить миллионом деталей, чтобы углубить объяснение: религия, в многих обществах мононорма и гетеронорма, экономическое насилие, которое осуществляется в отношении работников или неработающих.

Предположим, что есть священник, который продвигает сопротивление фашистскому режиму: он является «левым», потому что противостоит продвижению авторитаризма, но стремится вернуться по линии времени только до определенного момента. Он ставит под сомнение наиболее очевидный фашизм, но считает естественными другие формы угнетения, такие как нормализующая религия. У всех нас есть натурализованные микрофашизмы, которые мы сегодня не видим; поэтому интроспекция имеет основополагающее значение. Фашизм, в

прежде всего, укоренился в наших собственных головах. Спираль вращается, усиливаясь годами пропаганды и систематического насилия, одновременно отчуждая нас от здорового образа жизни в том, что касается нашего потребления и природы в целом. Все это создает благоприятную почву для фашизма, который заметно продвигается по спирали в условиях крупных экономических, гуманитарных или экологических кризисов. Давайте проанализируем это более подробно.

Что касается вопроса о племенном сознании, то среди людей, как и среди многих других видов животных, существует естественная склонность к социальному взаимодействию внутри своей группы. Мы являемся стадным видом, который для выживания полагается на взаимную помощь.

Племенное сознание также побуждает нас создавать небольшие группы, объединенные чем-то общим, например, футбольную команду. У нас, болельщиков, есть то, что отличает нас от остальных: наши цвета, наши песни. Соперничество между болельщиками одной команды и другой — яркое проявление племенного инстинкта, которое часто приводит к насилию, дегуманизации и безумию. Это называют « страстью », а страсть «необъяснима ». Ну, можно сказать, что на самом деле это так.

«Необъяснимое» — это инстинктивный порыв к племенному сознанию, который пробуждает в нас инстинктивное чувство принадлежности к группе. Абсурдно? Возможно, но не более абсурдно, чем национализм, который является тем же чувством, перенесенным на более крупную группу принадлежности. Этот трибализм был чрезвычайно полезен для построения и укрепления национальной идентичности, что, в свою очередь, приводит к рассмотрению других как низших или вредных, к их дегуманизации и, в конечном итоге, к насилию или агрессии. Чтобы этот треугольник фашизма — создание образа другого как низшего, насилие против посторонних групп, дегуманизация — мог стать конкретным сигналом, некоторые его части должны активно продвигаться государством. Например, если фанаты Велеса исполняют расистские песни против болельщиков Ривера, а затем нападают на них при выходе из стадиона, это событие соответствует всем частям треугольника, но эти действия не продвигаются государством в широком масштабе. Поэтому *подпольные* группы фашистов или неонацистов, строго говоря, не являются фашистами, а скорее их подражателями. Настоящие фашисты — это те, кто осуществляет фашизм с помощью государственной власти. Так трибализм и национализм усиливают эту спираль. Давайте посмотрим, какие еще инструменты осуществляют более тонкий контроль над нами.

Государство требует иерархического общества, которое позволяет управлять, что неминуемо приводит к глубоким и институционализированным неравенствам, которые остаются неизменными. Одним словом, те, кто обладает властью, как правило,

иметь все больше власти, в то время как те, кто ее не имеет, подвергаются все большему угнетению. Не существует ротации, ни динамики, которая позволяла бы перетасовать и перераспределить привилегии в обществе: статус-кво — это твердый камень. Говоря о привилегиях, нельзя не упомянуть и патриархат. Хотя можно сделать оговорку, что во многих западных обществах произошел откат в этом виде угнетения, и оно уже не проявляется так системно, как раньше, в других культурах патриархат очень силен и смешивается с религией как форма контроля. В целом, религия была большим союзником этой фашистской спирали, поскольку она устанавливает нормы поведения, гендерные стереотипы, правила одежды, даже говорит нам, что думать, чтобы не впасть в немилость Бога.

Власть, какой бы она ни была, должна быть подчинена. Если вместо «los» или «las» я напишу «lxs», это произведет немедленный эффект на некоторых индоктринированных людей, и они захотят меня поправить. Королевская испанская академия постановила, что так писать нельзя, и она имеет последнее слово в этом вопросе. Теперь, если та же RAE говорит, что «che» — это не слово, а аргентинское изобретение... Кому это интересно?

Возвращаясь к этим нормам, очень интересно посмотреть, как они влияют на людей. Сделать что-то нестандартное считается проявлением неуважения и даже приводит к убийствам. Вы слышали о изнасилованиях как способе исправления лесбиянства? Очевидно, что это крайне случаи в западной культуре, но их нарратив, их корень не отличается от того, что выражают многие люди перед гей-парадом или человеком с «странным» цветом волос. Им хочется применить к ним меры воздействия, поставить всех «в ряд» и сделать «нормальными». Их отношение вызывает у них отвращение, как будто после многих лет промывания мозгов они нашли утешение в этой нормальности, и когда кто-то ее нарушает, это пробуждает в них ненависть.

Контроль очень силен даже на этом этапе, однако он настолько укоренился, что мы уже принимаем его как данность и тревожимся только тогда, когда спираль продвигается еще немного дальше. Мы не осознаем, что для перехода к следующему этапу необходимо укоренить предыдущий, который мы можем назвать микрофашизмом из-за его тонкого характера. Более того, в значительной степени мы укоренили определенный уровень дегуманизации и насилия по отношению к определенным группам. Сегодня сценарий этих действий все чаще разворачивается в цифровом мире. Там мы находим то же самое: например, атаки групп троллей, которые стремятся дискредитировать и преследовать оппозицию или группы, считающиеся низшими. Мы также находим очень сильный контроль над этими цифровыми пространствами, осуществляемый посредством цензуры,

изменение алгоритмов и отбор контента, которые стремятся удерживать людей в «их» информационном пузыре.

Когда ситуация достаточно укрепляется и у государства появляется необходимость расширить спираль, мы начинаем наблюдать такие явления, как унификация нарратива, преследование оппозиции, поощрение насилия со стороны государственного аппарата, тотальный контроль над СМИ, институционализированный террор, война и геноцид.

Есть эффект, который я люблю называть «снежным комом» и который относится к накоплению фактов и практик, которые формируют культуру и которые трудно обратить вспять, а скорее создают новые, все более интенсивные факты, основанные на предыдущих. Например, в этой культуре мы считаем вполне естественными меритократию и карательность, но в глубине души мы также испытываем высокую степень ксенофобии, расизма и классового неравенства. Когда государство или крупные экономические игроки, что практически одно и то же, решают, что им нужно расширить спираль до нового миграционного закона, который закроет границы и вышлет мигрантов, им необходимо создать определенный социальный климат. Они прекрасно знают, что им нужно делать, и очень хорошо это делают. Они начнут с увеличения количества заголовков о кражах и насилии со стороны мигрантов, будут говорить, что мигранты «забирают вещи сверху». Таким образом, со временем они создают такое социальное настроение. Играя с тем, что уже было замалчивано в обществе, они будут дегуманизировать определенные группы, и таким образом, когда придет время, одобрение определенных правовых мер будет подавляющим. Именно в этом месте «прогрессизм» критикует СМИ и конкретные действия, но не может понять, откуда берет начало снежный ком: он берет начало из микрофашизма, построенного и подпитанного, отчасти, ими самими. Анархизм в этом контексте является эффективной вакциной против фашизма, поскольку, осознавая то, что было показано ранее в спирали, он не позволяет пропаганде индоктринировать нас для продвижения к более явному угнетению и насилию.

Глава 4

Война: фабрика врагов

Живя в мирное время, неудивительно, что многим людям трудно представить себе войну, за исключением военных фильмов или каких-то исторических событий. Абсурдный ужас и истребление кажутся нам отголосками прошлого, чем-то, что мы как общество предпочитаем не вспоминать. Однако, когда это происходит на наших глазах, мы отворачиваемся. Геноцид — слово, которое вызывает в нас воспоминания о зверствах в концентрационных лагерях и заставляет нас задаться вопросом: «Что делал остальной мир, как он мог это допустить?», — обнажает нашу собственную лицемерность. Мир в то время поступал так же, как и мы, продолжал жить своей обычной жизнью и не хотел выходить из своей зоны комфорта, чтобы противостоять геноциду, точно так же, как мы поступаем сегодня, будучи свидетелями как минимум двух геноцидов: в секторе Газа и в Украине.

Разве не является самым ярким проявлением абсурдности и жестокости этой системы тот факт, что миллиарды тратятся на вооружение, в то время как большая часть мира умирает от голода? Войны продолжаются, потому что они выгодны власти, капиталу и фашизму. Это не упрощенное обобщение, а сознательная политическая реальность. Существует решение продолжать войны на глобальном уровне, которое затрагивает всех. Если бы они действительно хотели избежать войны, они бы договорились о создании международных сил, которые бы ее предотвратили. Они просто не хотят этого делать, придумывают политические оправдания, принимают нерешительные решения, даже поддерживают и финансируют убийства и геноциды. С разных точек зрения, исходя из разных интересов и социальных позиций, достигается общее согласие о войне: некоторые будут пассивно сопротивляться, другие будут поддерживать, некоторые пострадают в своей повседневной жизни или бизнесе, а другие выиграют. Суть в том, что так или иначе достигается это социальное соучастие.

Война играет большую роль для правительств, поскольку они могут восстановить внутреннюю поддержку, пока никто не будет требовать от них больших управленческих усилий. Их миссия, в глазах граждан, становится победой. Терпимость к политической оппозиции, протестам и требованиям граждан становится минимальной. Ожидается, что все сообщество будет единым, сейчас не время для споров.

Подготовка и поле боя сильно влияют на образ мышления солдата: да, это убить или умереть, хотя это гораздо глубже. Дегуманизация врага имеет решающее значение: само слово «враг» подразумевает, что он хочет причинить мне вред и действует единообразно, как единый организм, а не как группа солдат, каждый из которых имеет свою уникальную жизнь и историю. Чтобы продолжать убивать, солдат также должен дегуманизироваться и стать частью этой машины.

Логика войны обещает безнаказанность: мы только выполняем приказы начальника. В то же время он обладает моральным авторитетом, который позволяет нам делегировать личные суждения, решения и цели всего «общему благу» и идею, что «кто-то наверху знает, что делает». В конечном итоге, вооруженный конфликт между незнакомыми людьми становится возможным благодаря идеи о враге, которого нужно уничтожить, прежде чем он убьет меня, и чем меньше я знаю об этом враге, тем лучше. Завеса тайны, эта предполагаемая злоба, не должна быть разорвана; отсюда и запрет на любой контакт или братство с врагом.

Умереть за родину, умереть за неизвестно что в самоубийственной атаке, штурмую укрепленные позиции врага, — что это говорит нам о человеческом состоянии? Это говорит нам, что цель часто ценнее нашей собственной жизни, или, по крайней мере, так нас заставили поверить. Кто-то «наверху» знает, что мы должны делать, и оценит нашу жертву. Нужно верить в цель, иначе кто пойдет на смерть? Двойная дегуманизация позволяет убивать и умирать во имя высшей цели, даже до такой степени, что эти правила игры принимаются всем обществом. В войне неправильно убивать мирных жителей; убивать солдат не неправильно, потому что, надев форму, люди согласились участвовать в игре. Очевидно, что это намеренно игнорирует предвзятость процесса набора и тот факт, что зачастую солдат находится там не по своей воле.

Как выглядит эта преданность, эта готовность, это подчинение приказам начальника? Мне это напоминает подчинение, которое мы испытываем, когда идем к врачу. Человек подчиняется, подавляя свою волю; это единственный способ. «Встаньте», и я встаю. «Сделайте глубокий вдох», и я вдыхаю. «Потерпите немного, будет больно», и я терплю. Мы все это испытывали, мы откладываем свои желания и свою волю, потому что знаем, что сопротивляться бессмысленно, нужно просто подчиниться. Нечто подобное происходит со всеми властями в целом: мы подчиняемся, плывем по течению, избегаем конфронтации, пока однажды не попадаем в такую ситуацию. Они говорят «иди на смерть», и я иду.

Как мы видели на примере фашизма, существует конструкция группы принадлежности и антагонистической группы, врага. Фашизм — это не что иное, как применение логики войны к гражданскому обществу. Существует необходимая виктимизация, потому что враг хочет причинить нам вред, что в то же время позволяет мне морально причинить вред ему. В гражданской сфере, когда мы говорим о фашизме, также существует дегуманизация, которая может быть двойной. Фанатик действует с полным дуализмом, где есть антагонистический враг. Человек превращается в

своего рода солдатом, который совершает действия во имя дела, становится частью механизма идеологической войны.

Фашистские или авторитарные режимы привлекают идея вступить в войну по любой причине. Всегда должен быть враг, с которым нужно бороться; он может быть внутренним или внешним, или и тем, и другим. Война помогает усилить контроль внутри общества, объединить народ за своими лидерами, свести к минимуму критику и недовольство. Не говоря уже о том, что она облегчает устранение людей, которые мешают власти или ведению бизнеса. Война выгодна всем, всем, кто находится у власти. Как же рабочий класс в конечном итоге поддерживает войны, которые его обнищают и разрушают? Ответ очень прост: с помощью пропаганды, культурной фабрики, националистических нарративов. Вместе мы создаем эту спираль, этот снежный ком, который день за днем формирует нашу мораль, наше восприятие. От племенного сознания к национализму, мы идем по верному пути, ведущему к национальному единству и гордости за территорию-нацицию. Сегодня я пришел, чтобы сказать вам, что все это ерунда. Это не что иное, как социальная конструкция, отвечающая интересам власть имущих. Какая новость! И хотя интуитивно мы это знаем, мы продолжаем повторять мантру, которую нас заставляют запоминать в школе. Подумайте об этом: сегодня мы с ужасом наблюдаем, как сотни тысяч людей гибнут из-за геополитического спора между странами, которые раньше были едины. Если завтра одна из провинций Аргентины захочет обрести независимость, вы возьмете в руки оружие и пойдете убивать под лозунгом «Единая Аргентина»? Вы думаете, что не сделаете этого? Многие сделают, если их достаточно проинформировать. Это не так уж и сложно. Опираясь на национализм, можно внедрить идею о том, что существуют иностранные силы, которые хотят разделить Аргентину, что за этим стоит много денег и что все это является планом по завоеванию Южного конуса. Вот и все, у нас есть тысячи и тысячи солдат, готовых умереть.

Мы высказываем свое мнение, исходя из логики, навязанной национальными государствами, о плюсах и минусах войн в других частях мира, о том, кто был прав в Первой или Второй мировой войне, во Вьетнаме или Сирии.

Мы высказываем свое мнение о том, имели ли Соединенные Штаты право вторгнуться в Ирак или правильно ли они поступили, покинув Афганистан. Все это мышление отражает лишь логику господства, дискурс, к которому мы присоединяемся, манипулируемые пропагандой.

Мы заперты в замкнутом круге. Если каждый народ индоктринирован следовать повестке дня своих политических лидеров, мы обречены быть пушечным мясом в сражениях, которые на самом деле не являются нашими. Представим себе мир, в котором вместо государственных правительств существуют компании. Мы работаем на Coca-Cola, а жители другой страны — на McDonald's, и нам говорят

«McDonald's хочет завоевать нас, мы должны защитить нашу идентичность Coca-Cola и противостоять ему». Тогда множество сотрудников Coca-Cola формируют батальоны для защиты своей родины и сражаются до смерти против других рабочих, таких же, как они, но делающих гамбургеры.

Означает ли это, что все войны одинаковы, что все правительства одинаковы и что не стоит бороться с худшим из них? Нет. Придерживаться той же позиции ненасилия и заявлять, что все страны, вовлеченные в войны, одинаковы и что насильтвенное сопротивление не является решением, означало бы облегчить работу худшим из них.

Это сложный мир, и выбор легких решений приводит нас только к худшим последствиям. Каждая страна, каждый народ погряз в своей собственной пропаганде, в своем собственном мире, созданном на основе существующей культуры.

Используемые как марионетки, наши чувства управляются правителями, чтобы извлечь из них выгоду, и, если понадобится, они не моргнут глазом, проливая кровь своих рабов.

Глава 5

Трансформация государства

Необходим переход от патерналистского государства к, так сказать, демократическому государству. Как описывает Мишель Фуко в «*Наблюдать и наказывать*», публичные пытки заменяются темницей, а затем — современной тюрьмой и перевоспитанием личности.

Это правда: деспотический, авторитарный режим может просуществовать сотни лет, но рано или поздно он падает, и при этом наносит больше структурного ущерба, чем «добровольный» переход к другому типу государства. Проще говоря, если «народ» победит режим, эта победа поможет ему осознать свою силу. Сегодня многие люди думают, что современное демократическое правовое государство было результатом воли правящего класса. Это одна из главных способностей системы: заставить нас поверить, что всякая борьба тщетна, что любое отступление угнетения, любой прогресс в области равенства и справедливости произошли бы в любом случае благодаря благосклонности короля или государства. Чтобы понять важность социальных борьб прошлого, я рекомендую прочитать такие книги, как «*Калибан и ведьма*» Сильвии Федеричи.

Было бы очень трудно ожидать, что вдруг все население восстанет против демократического государства. Всегда есть консервативный сектор, который выступит в защиту порядка и тем самым обеспечит монополию на силу и насилие. Не зря репрессивные органы государства подчиняются таким жестким правилам и подвергаются такой интенсивной «промывке мозгов»; не зря они в конечном итоге отбирают людей, способных совершать жестокие действия и не подвергающих сомнению приказы. Такие люди всегда есть, и я испытываю к ним глубокое презрение. Возможно, если бы больше людей разделяли это чувство и ясность видения репрессивного в каждом человеке в форме, даже если он в данный момент не осуществляет репрессии, у нас был бы шанс.

Что касается темы власти, я хочу привести цитату из книги Джидду Кришнамурти «*Искусство жить*»:

«...Мы создаем авторитет, авторитет государства, полиции, авторитет идеала, авторитет традиции. Я хочу что-то сделать, но мой отец говорит: «Не делай этого». Я должен ему подчиняться, иначе он рассердится, а я завишу от него в плане питания. Он контролирует меня с помощью страха, не так ли? Таким образом, он становится моим авторитетом. Точно так же мы контролируемся традицией: «Ты должна делать это, а не то, ты должна носить сари определенным образом, ты не должна смотреть на мальчиков или девочек...» Традиция говорит вам, что вы должны делать; и традиция, в конце концов, это знание, не так ли? Есть книги, которые говорят вам, что нужно делать, ваши родители говорят вам, что нужно делать, общество и религия говорят вам, что нужно делать. И что с вами происходит? Вы оказываетесь подавлены, угнетены. Вы никогда не думаете, никогда не действуете и не живете полноценно, потому что все эти вещи пугают вас. Вы говорите, что должны подчиняться, иначе будете беззащитны. Что это значит? Это значит, что вы создали авторитет, потому что ищете безопасный способ вести себя, безопасный способ жить. Само стремление к безопасности создает авторитет, и так мы становимся простыми рабами, зубцами в шестернях механизма, живя без какой-либо способности думать, творить».

Действительно, если мы не освободим наши умы от власти, будет очень трудно преодолеть систему, основанную на послушании. Авторитет как таковой всегда будет существовать. Даже в самых свободных сообществах, которые мы знаем или можем себе представить, существует культура и набор традиций, существует мораль. Все эти вещи незаменимы и делают нас людьми. Если нет государства и нет правительства, предположим, что есть ассамблеи, которые принимают решения, единогласно или как-то иначе, потому что нельзя жить в сообществе без

принимать коллективные решения. Эти решения будут иметь силу, и это само по себе является проявлением власти.

Как всегда, доведение любого предложения до абсолютного предела лишает его смысла. «Против всякой власти» — это красивый и правильный лозунг в нынешних условиях, когда власти наделены институциональной властью, которая является частью государства. Мы критикуем степень, преувеличение этой власти, этой авторитетности; ее произвольность, ее служение немногим посредством эксплуатации. Анархия — это сила энтропии, она стремится разрушить концентрацию власти и таким образом распределить ее между всеми. Когда мы позволяем власти продвигаться, захватывая все больше и больше территории, пользуясь нашими страхами, нашей потребностью в безопасности, нашей пассивностью, эта власть неизбежно становится все больше, накапливает все больше власти, все больше богатства. Невозможно, чтобы такая власть не коррумпировала. Поэтому необходимо и полезно постоянно применять энтропию; время от времени нужно начинать все сначала, переписывать все сценарии, заново обдумывать все правила.

Церковь устояла; несмотря на Коперника, Дарвина, Ницше и многих других, люди продолжают верить в нее. Капитализм устоял, несмотря на Маркса, Советский Союз, Ирак, Вьетнам и Великую депрессию.

Он устоял, несмотря на самые убедительные доказательства того, что эта модель ведет нас к экологическому коллапсу, неравенству и войнам. Точно так же сопротивляется и школа, хотя ее система практически не изменилась с момента ее создания, а реформаторские ученые продолжают ломать голову над тем, как и зачем. Почему? Ответ прост: все эти институты сопротивляются, потому что служат власти, и неважно, что многие из нас считают, что они не служат человечеству, это не их цель.

Сменяющие друг друга военные диктатуры, которые время от времени уступают место демократическим правительствам, возвращаются, когда необходимо провести непопулярные меры. Они возвращаются из этого ящика, потому что демократическая система не позволяет им проводить столько реформ, убивать столько людей. Есть жестокие меры, которые были приняты в условиях полной демократии и не встретили сильного сопротивления; тогда диктатура не появляется, потому что в ней «нет необходимости». Эти приходы и уходы, очевидно, не пользуются популярностью, и сильнейшие экономики избегают их любой ценой, хотя могут поддерживать их в других странах, от которых они питаются.

В Аргентине, в северных провинциях или за пределами городских центров, жизнь намного хуже, а репрессивные силы более жестоки; правительства не меняются, они похожи на феодальные владения; они гораздо больше напоминают модель патерналистского государства. В то же время в крупных городах люди живут в современном демократическом государстве, где репрессивные силы, как правило, менее жестоки. Почему так происходит? Это очень интересно, потому что я действительно не считаю, что люди из периферии каким-то образом уступают жителям городов. Проблема в том, что центральная власть вынуждена поддерживать маску доброты перед большей частью населения, в то время как с остальными она может позволить себе быть менее благосклонной. Вся эта лицемерность демократического государства проявляется, когда гаснет свет и камеры направляются в другую сторону. Что это на самом деле? В городе нас постепенно подталкивают к угнетающим законам об экономии и гибкости труда, но в провинции, где хотят применить модель жестокого грабежа, приходится прибегать к старым рецептам патерналистского государства. В условиях военных конфликтов, откуда брать больше рекрутов, чтобы отправить их на фронт? Часто прибегают к провинции, а когда это невозможно, к самым незащищенным слоям населения городов.

Фактически, многие мыслители заявляли, что эта либеральная модель была бы нежизнеспособна без присущего ей неравенства, что богатые страны не могли бы быть богатыми, не эксплуатируя бедные страны. Это можно экстраполировать на все уровни: если есть богатые и бедные, то в рамках этой модели могли бы богатые оставаться богатыми, если бы не было кого эксплуатировать?

Государство всеобщего благосостояния возникло как ответ на коммунизм. Гении наверху поняли, что если рабочих слишком сильно эксплуатировать, это создаст почву для революции; пример России был совсем не обнадеживающим. Тогда появилась идея уменьшить неравенство и дать рабочему классу больше покупательной способности. Это сработало на славу, но когда опасность социальной революции миновала, государство — под влиянием своих друзей и хозяев, то есть крупных компаний — снова начало ужесточать меры.

Все, чего мы добились в благоприятную эпоху, превратится в прах в тот момент, когда государство решит, что зашло слишком далеко, и захочет снова немного поработить нас. Их гарантии ничего не стоят. Их конституция ничего не стоит. Все эти обещания имеют значение только тогда, когда хозяин в хорошем настроении. Я спрашиваю вас: когда ресурсы начнут иссякать, как, по-вашему, государство поступит с вашими гарантиями? Кому это пойдет на пользу? Кого оно будет угнетать и бросит на произвол судьбы?

Вы что, думаете, он проведет референдум, чтобы решить, кого спасти, а кого нет?

Кто умрет? Ситуация быстро движется к экологической катастрофе, и в этой системе у нас не так много возможностей, чтобы это остановить. Крупные компании, эксплуатирующие ресурсы и дружные с государствами, решают будущее этой планеты. Мне также кажется немного печальным, что приходится прибегать к этому аргументу, чтобы попытаться мобилизовать людей против системы, как будто эксплуатация, неравенство, огрубление и полное отсутствие участия в решении собственной судьбы не являются достаточными причинами.

Что можно обсуждать с людьми, которые считают нормальным то, что любой поиск, который мы делаем в Google, отслеживается ФБР? Наши мобильные телефоны шпионят за нами днем и ночью, отправляют в Интернет информацию обо всех наших передвижениях, они даже могут быть доступны государству, чтобы функционировать как микрофоны, скрытые камеры... В общем, все это сегодня нормализовано; мы живем в состоянии полного контроля. Это явление не знает границ, оно происходит как в первом, так и в третьем мире. Мы верим, что демократическое государство настолько благожелательно, что никогда не будет использовать эти средства и данные для нанесения вреда народу. Хозяин, которому мы дали возможность творить добро и зло, о котором говорит Этьен де Ла Боэси, этот хозяин не забыл о своей способности подавлять нас, если это необходимо.

Люди, составляющие средний слой общества, как прогрессисты, так и консерваторы, не видят никакой опасности в предоставлении власти государству, в том, чтобы за ними следили. Они считают, что никогда не сделают ничего, что привлечет внимание репрессивных органов. Эта иллюзия времени от времени рушится. Например, в современной России, где еще пару лет назад люди, возможно, не видели никакой опасности в том, что за ними следует государство. Сегодня, когда их могут приговорить к многолетнему тюремному заключению за пост в соцсети или подписку на канал Telegram против войны, становится очевидным, что было и есть много поводов для опасений. Как овцы, мы отдаем все ключи хозяину, надеясь, что он будет благосклонен к нам за наше послушание, но когда он требует наши жизни, уже слишком поздно от него убегать.

Проблема государства не в том, что оно служит неравенству, что, очевидно, является серьезным и бесчеловечным, а в том, что оно всегда будет органом, которому мы делегируем нашу власть, и тем самым мы становимся инструментом, мы становимся апатичными по отношению к нашей собственной судьбе как человечества.

Три ошибки марксизма

Левые — это политическое крыло, которое смело критикует демократическую модель, но имеет ряд серьезных недостатков, мешающих ему прогрессировать. Марксизм, несмотря на то что является отличной политической теорией, которая сумела понять эксплуатацию пролетариата в капиталистической модели, представляет собой редукционистскую доктрину, которая осталась в прошлом и сегодня не может предложить нам решение, поскольку правила игры изменились.

Рабочий класс, о котором говорил Маркс, пролетариат XIX века, был чрезвычайно эксплуатируем и не имел доступа к нормальной жизни. Буржуазия, с другой стороны, была конкретной и четко очерченной группой, владевшей средствами производства, то есть фабриками и другими предприятиями. Речь шла о двух антагонистических социальных классах, разделенных огромной экономической пропастью, без среднего класса, который бы служил буфером между ними. Сегодня, благодаря улучшению качества жизни рабочих и обещанию социальной мобильности, которое время от времени становится реальностью, можно жить относительно хорошо — в зависимости от страны, конечно — не владея средствами производства. Эти улучшения еще больше разделили рабочих, которые уже практически утратили всякое классовое сознание.

Меритократия, свободный рынок и партийная демократия сумели усыпить любые попытки социальной революции. Бедный человек думает о том, как выбраться из бедности, и видит в качестве образца для подражания других рабочих, таких же, как он. Тот, кто живет в достатке, даже если ему приходится работать на хозяина, которому он должен отдавать часть своего труда, и даже если его обманывают и эксплуатируют, не видит никакой необходимости в восстании; в лучшем случае он становится умеренным прогрессистом.

Таким образом, первая ошибка современного марксизма носит экономический характер: он апеллирует к социальному классу, который уже не находится в таком отчаянном положении, как в XIX веке . Современная демократия нашла очень эффективные способы усыпить рабочих и замаскировать их эксплуатацию, не только углубляя идею о возможном социальном подъеме благодаря меритократии, но и предоставляя массам доступ ко всем видам развлечений и технологий.

Для революции необходимы два компонента: чувство отчаяния, которое может быть вызвано голодом, отсутствием возможностей или уверенностью в неминуемой смерти, и революционная идея. Эти компоненты обратно пропорциональны по своему эффекту: чем больше отчаяние, тем меньше нужна революционная идея

, чтобы взвуждить народ; это как стог сена, который загорается от простой спички. Напротив, если мы имеем дело с населением, все потребности которого удовлетворены, или с надеждой на социальный подъем, отчаяние минимально, и для мобилизации потребуется революционная идея большой силы.

В конце концов, мы — привычные животные, которые всегда ищут удовольствия и избегают боли. Современная демократия прекрасно это поняла и дала нам минимум, необходимый для предотвращения восстания: обещание перемен, жизнь с удовлетворенными основными потребностями или с надеждой на их удовлетворение, а также большое разнообразие развлечений, чтобы избежать творческого досуга или слишком много думать.

Вторая ошибка марксизма носит политический характер: он ищет решение в возвращении к патерналистскому государству. Да, идеал Маркса предполагает распад государства в конечном итоге, но для достижения этой цели сначала необходимо провести рабочую революцию, а затем установить диктатуру пролетариата, наиболее известную форму социализма в Советском Союзе. Однако такая форма диктаторского государства, даже если оно управляет рабочими, является патерналистской моделью, характеризующейся высокой иерархичностью, институциональностью, государственной монополией на средства массовой информации, ограничениями свободы слова, бюрократизацией, фигурами прославленных лидеров, ведущих к «светлому будущему» и т. д. Попытка вписать этот идеал в современную демократическую модель невозможна, поскольку она предполагает утрату негативных свобод, на что большинство не готово. Пытаясь вернуться к патерналистскому государству, мы игнорируем тот факт, что общество продвинулось к демократическому государству по ряду причин и что этот прогресс очень трудно отменить, потому что новая модель оказалась более эффективной и устойчивой, гораздо более, чем предсказывал Маркс.

Третья ошибка современного марксизма носит социальный характер: он апеллирует к рабочему классу, который является весьма неоднородным в своих политических взглядах, включая в себя как консерваторов, так и прогрессистов, как революционеров, так и реакционеров. Если разделить общество на эти четыре группы, то оно функционирует совершенно иначе, чем мы можем себе представить с точки зрения классовой борьбы, дуалистического и редукционистского объяснения, которое, на мой взгляд, должно было остаться в модерне и не должно быть растянуто на все современные социальные вопросы.

Основная часть общества состоит из среднего сегмента, около 95% населения. Здесь мы находим умеренных реформаторов, или

прогрессистов, консерваторов и ряд оттенков, в которых реформистские позиции перемежаются с некоторыми правыми элементами. Всегда привлекает внимание то, как очень бедные и маргинализированные слои общества голосуют за политиков, которые явно представляют другие экономические классы. Это происходит потому, что они консерваторы. Есть богатые консерваторы, а есть бедные консерваторы. И да, бедные голосуют за богатых, даже если эти богатые презирают их. Марксисты называют это отчуждением или отсутствием классового сознания, но это объяснение, по всей очевидности, является недостаточным. Дело не в том, что бедные консерваторы, голосующие за богатых консерваторов, верят, что те сделают их богатыми. Нет. Существует идеологическая принадлежность, которая сильнее слабого классового сознания. Они не заблуждаются, они не забыли, что они бедны, они просто консерваторы. Разве этого объяснения недостаточно?

Помимо этой группы, разделенной на две части, есть еще революционеры, очень небольшой процент населения, который стремится к радикальным изменениям и не удовлетворяется реформами. И, с другой стороны, есть реакционеры: также маргинальная группа, которая решительно противостоит изменениям или социальному прогрессу. Этот реакционный сектор находит поддержку среди консервативной половины общества и, как правило, предлагает вернуться к прежнему *статус-кво*, к идеальному прошлому, которое не было испорчено прогрессивными и революционными идеями. Революционеры, напротив, привлекают внимание в основном реформистского сектора общества и обещают привести всех к лучшему будущему. Мы могли бы охарактеризовать эту борьбу как противостояние между прошлым и будущим, в котором крайние позиции имеют одну общую черту: они стремятся мобилизовать среднего гражданина. В отличие от центристов, обе крайние позиции обладают огромной энергией, которой они заражают нас и которой пытаются убедить.

Реакционеры часто выдают себя за революционеров, и, поскольку они также очень активны и страстны, как и те, их можно спутать. Они очень хорошо манипулируют чувствами консервативного сектора и выдвигают простые критические замечания, например: «политиков слишком много, и они воры», «мы слишком много даем иностранцам», «преступность высока, потому что законы слишком мягкие». Очевидно, что в этих идеях нет ничего революционного, однако они могут воодушевить и мобилизовать значительную часть населения. Всем нам нравится «новое», обещание перемен, энергия. Поэтому революционное никогда не выходило из моды. Революция продается.

Демократический центр, как правительство, в конечном итоге становится скучным для людей, а если дела идут плохо, то еще хуже. Желание перемен дает о себе знать, и в этот момент появляется реакционная правая, которая сбивает с толку

консерваторов и заскорузлых прогрессистов и заражает народ идеей, что они единственные, кто отличается от других. С помощью популистской и непримиримой риторики, апеллирующей к консервативному сектору, и небольшой псевдореволюции, чтобы привлечь молодежь, реакционеры прокладывают себе верный путь, в то время как революционные левые не только снова и снова терпят неудачу, пытаясь радикализировать прогрессивный сектор, но и не могут заинтересовать рабочих из-за отсутствия классового сознания.

Нет смысла обращаться к консерваторам, даже если они являются пролетариями, с революционной риторикой. Также нет смысла обращаться к реформистам с риторикой, которая скорее напоминает откат назад, чем прогресс: возвращение к патерналистскому государству нежелательно. Для любого прогрессиста идея возвращения к фашистским или социалистическим моделям прошлого является безумием. Предложение о том, чтобы государство вновь получило право экспроприировать частную собственность, средства производства и вмешиваться во все рынки, сегодня является, согласитесь, малопривлекательным даже для прогрессистов. Эти идеи хорошо работали в условиях высокого уровня отчаяния в обществе, но сегодня нет прочной основы для социальной революции такого рода.

Большой обман русского коммунизма заключался в том, что после свержения государства и даже убийства отца-царя он вновь вернулся к патернализму. Какая беда и какая большая несправедливость — пройти весь этот путь и пролить столько крови зря! Хуже того, социалистическая модель стремилась к антагонизму с демократической моделью Запада, что привело к множеству вооруженных конфликтов, которые отвечают только логике власти и господства со стороны небольшой группы людей.

Мы совершаляем логическую ошибку в нашем мышлении, ту же, которую совершил Маркс. Если в нашей доктрине или философии, которую мы можем свести к уравнению, отсутствуют вещи, которые мы надеемся найти в конце, если результат не является логическим следствием частей, то мы обещаем то, что, вероятно, не сможем выполнить. Если предлагается несправедливое общество, в котором эксплуатируют и уничтожают, но в перспективе предвидится идеальный мир, то мы имеем дело с обманом. Таким образом, Маркс стремился к коммунизму: миру без социальных классов, без эксплуатации и без государства; однако, чтобы достичь этой цели, необходимо было подчинить население с помощью рабочей диктатуры. Это никогда не сработало бы. Точно так же мы ожидаем, что в будущем капитализм решит социальные и экологические проблемы, которые создает сама эта система. Это абсурд и логическая ошибка.

Глава 7

Миф о ненасилии

Очень трудно говорить о противостоянии тирану и его монополии на насилие, не затрагивая тему насилия как такового. Как уже отмечал Питер Гендерлус в интервью и в своей великолепной книге «*Как ненасилие защищает государство*», сегодня насилие рассматривается как нечто исключительно негативное. Государству разрешается применять насилие, и хотя оно осуждается, оно является единственным, кто может легитимно его использовать; как отец, который бьет своих детей, он осуждается, но никто не оспаривает и не бросает вызов его силе. Любое применение насилия за пределами этой монополии рассматривается как терроризм или вандализм.

Согласно доктрине ненасильственной борьбы, предполагается, что все достижения общества были достигнуты с помощью ненасильственных форм сопротивления и что «то, что достигается с помощью насилия, впоследствии может быть сохранено только с помощью насилия», как говорил Ганди. Он также говорил много других красивых вещей.

Однако было бы важно обратить внимание на то, какого человека мы выбираем для создания мифа. В случае с Ганди этот миф имеет очень короткие ноги. Если поискать в Интернете биографию этого человека, то можно найти правду, замалчиваемую сфабрикованной историей.

Моя проблема, однако, заключается не столько в кумире ненасилия, сколько в доктрине, которую он оставил в наследство. Безусловно, мирная борьба, протесты и марши помогают добиться от государства определенных уступок и заставить его пойти на уступки, предоставив некоторые права. Остальное останется прежним. Речь идет о предложении, которое направлено на ускорение перехода от патерналистского государства к демократическому. Как только это будет достигнуто, все смогут спать спокойно, в то время как основы эксплуатации и неравенства останутся прежними. Это форма протesta, которая направлена на то, чтобы убедить государство, а не бросить ему прямой вызов; таким образом, государство реорганизуется, чтобы продолжить свою деятельность.

Также неверно, что крупные изменения были достигнуты мирным путем без прямой или потенциальной насильственной ситуации. Все просто. Если мы выведем на улицы десять миллионов человек, какими бы мирными они ни были, это будет огромный риск народного восстания; они всегда находятся в одном шаге от революции. Так что нет, это не «насилие», но это очень серьезная угроза, и государство не глупо.

Любопытно, как эта модель инфантилизированного общества требует от нас подчиняться отцу, государству, предоставляя ему инструменты, отличные от тех, которые мы позволяем себе. Государство — единственное, кто имеет право шпионить за нами, судить нас, подавлять нас, воспитывать нас. Его власть неоспорима, при условии, что оно действует в разумных пределах. Если оно переходит черту, это нарушение критикуется, как полицейский произвол или политическая коррупция, но система всегда будет настолько несправедливой, насколько мы ей это позволим. Она всегда будет стремиться завоевать территорию; она будет продвигаться вперед и отступать, создавая иллюзию победы каждый раз, когда отступает, и ощущение усиления угнетения, когда продвигается вперед.

Мы предоставляем ей монополию на насилие, говоря, что «то, что достигается с помощью насилия, можно сохранить только с помощью насилия».

Прекрасно, значит, мы соблюдаем это правило, но будем ли мы позволять государству никогда его не соблюдать? Да, государство добилось власти с помощью силы и да, оно будет удерживать ее с помощью силы. Не применяя насилие для борьбы с ним, мы, возможно, будем морально выше, но в реальности это абсолютно ничего не меняет. Насилие, согласно этой доктрине, всегда одно и то же, оно одинаково предосудительно, независимо от того, применяет ли его нападающий, защитник или жертва.

Противостояя агрессору и применяя насилие, мы, по ее мнению, становимся тем, с чем хотим бороться. Это было бы чем-то вроде «подставления другой щеки». Ведь мы веками подставляли другую щеку власти, и знаете что? Власть становится все сильнее.

Нет ничего более патерналистского, чем христианская религия, и поэтому она так хорошо сочетается с государством. В этих идеях ненасилия, я думаю, заключается вершина мышления раба, настолько раба, что он создал догму вокруг минимого морального превосходства рабского существования. Однако я не утверждаю, что все формы ненасильственной борьбы одинаковы или пассивны. Они очень важны и необходимы, но имеют ограниченный охват, который они сами себе устанавливают: предел, обусловленный их реформистским характером.

Всякий раз, когда происходят массовые мирные протесты — такие как марши с плакатами или даже забастовки — и появляются беспорядки и вандализм, тех, кто проводит эти акции, обычно называют провокаторами и бунтарями; в лучшем случае их считают людьми, которые не понимают, что делают, потому что действуют под влиянием гнева, и дают повод для криминализации протesta. И криминализация протesta работает очень хорошо, именно потому, что многие люди считают, что единственной легитимной формой протesta является мирный протест. Более того, при необходимости, с

помощью крупных средств массовой информации можно криминализировать что угодно.

Предположим, что существует ситуация полицейского произвола на расовой почве, когда молодые люди из бедного района постоянно задерживаются, подвергаются преследованиям и даже пыткам со стороны полиции. Соседи начинают протестовать. Они собирают подписи. Идут в полицейский участок. Стоят там с плакатами и ничего не делают. Каковы будут последствия этой акции? Вероятно, никаких. Да, они выразили свое недовольство. Возможно, если их будет очень много, это привлечет внимание комиссара, и он спросит офицеров, знают ли они что-нибудь о том, о чем говорят соседи. Эта акция, если она не несет никакого риска для полицейского участка, не приведет к серьезным последствиям и, вероятно, ничего не изменит. Существует предположение, что неудача мирной борьбы нескольких человек происходит потому, что на самом деле они не выражают желания большинства общества. Таким образом, хорошо, что ничего не происходит. В этом случае игнорируется тот факт, что подавляющее большинство даже не знает о том, что происходит, а если и знает, то, поскольку это их не касается, они не в состоянии высказать свое мнение и не заинтересованы в этом. Демократия использует это «молчаливое большинство» как балласт, чтобы игнорировать требования предполагаемых меньшинств.

Предположим, что в этом же примере полицейского произвола в районе проживает две тысячи человек, из которых только сто вышли на демонстрацию.

Можно ли тогда сказать, что это меньшинство? Представим себе другой сценарий: жители идут к полицейскому участку, жгут резину, перекрывают улицу, оскорбляют всех полицейских, которых там видят, пытаются проникнуть в полицейский участок, бросают камни, бросают коктейль Молотова, избивают двух офицеров и уничтожают автомобили. Пятьдесят человек арестованы. Призывают СМИ. Все в хаосе. Их подавляют, люди отступают. Какие последствия, по вашему мнению, будет иметь эта акция?

Сегодня нельзя открыто бросать вызов монополии государства на применение силы, но очевидно, что путь беспорядков гораздо быстрее и эффективнее для достижения определенных результатов. Насилие, которое народное восстание применяет против полицейского участка, является самообороной и абсолютно законно; более того, люди из бедных кварталов понимают это гораздо лучше, чем буржуазный средний класс.

Есть и другой способ применения насилия, вне рамок массовых протестов, который скорее можно охарактеризовать как террористический акт. Это нападения на объекты, связанные с систематическим угнетением, которому мы подвергаемся. Убийство начальника полиции Рамона Фалькона анархистом Симоном Радовицким 14 ноября 1909 года является близким примером. Посмотрим, что говорил по этому поводу Северино Ди Джованни:

«Ты делаешь работу, которая тебе нравится, у тебя есть независимая профессия, и тебя не особо беспокоит игра начальника; ты тоже смиряешься или трусливо подчиняешься в своем качестве эксплуатируемого: как ты смеешь так сурово осуждать тех, кто перешел в наступление на врага? Мы хотим сказать тебе только одно: «Молчи!» — ради честности, ради достоинства, ради мужества. Разве ты не чувствуешь их страдания? Замолчи! У тебя нет их смелости? Тогда снова замолчи! Замолчи, потому что ты не знаешь мучений ненавистной работы и эксплуатации».

Индивидуальные действия, направленные на насилие против врага, также являются актами самообороны. Я считаю, что они похожи на революцию, но перенесенную на личностный уровень и наполненную большим отчаянием и разочарованием. Сами по себе это отчаянные действия, потому что один человек или группа редко надеются изменить ситуацию своими действиями или выйти из них невредимыми. Они знают, что машина власти их настигнет. Они также знают, что большинство осудит их за то, что они бросили вызов тиранам. Ни во времена Северино, ни тем более сейчас я не считаю, что это путь, который может изменить ситуацию; для большинства это будут просто террористические акты сумасшедших, и средства массовой информации сделают все возможное, чтобы исказить их.

Нельзя говорить о насилии как о чем-то едином целом. Нельзя судить по одним и тем же меркам тех, кто систематически и цинично применяет насилие со стороны государства на протяжении сотен лет, и тех, кто применяет его как единичный акт в поисках справедливости, или сообщество, которое защищается с помощью тех немногих орудий, которые у него есть, чтобы сопротивляться угнетающему государству. Очевидно, что умеренные реформаторы не хотят никаких восстаний; им нетрудно поверить в конформистскую риторику телевидения, если они сами не чувствуют на себе бремя эксплуатации.

Анархизм — это чувство любви и альтруизма к человеческому достоинству против любого угнетения. Да, эта любовь может выражаться в гневе и ненависти, и нелегко объяснить консерватору, как бросание бутылки с зажигательной смесью может быть актом любви, но это их дело. Мы, революционеры, — это страстные мужчины и женщины, которые не любят полумер.

Коммунисты давно поняли, что одни протесты не помогут. В *Манифесте* мы находим очень четкое руководство к действию, которое включает ненасильственные формы протesta — такие как забастовки, блокады, бойкоты и демонстрации, — но они не являются самоцелью. Они также не имеют ничего общего с ложной надеждой на изменение порядка вещей, даже если им удается вырвать у буржуазии ту или иную победу

буржуазии и заставить ее уступить позиции в распределении богатства. Коммунизм не питает иллюзий; поэтому он был подлинным революционным движением и принес плоды, которые мы все знаем. Его ошибки уже были подробно обсуждены, и я не хочу возвращаться к этим избитым критическим замечаниям, а лишь хочу сказать, что ненасильственные действия рабочего класса имели своей основной целью объединение рабочих для последующей вооруженной революции. Это был, по сути, очень хитрый способ оппозиции, использующий средства, предоставленные самой системой, продвигаясь по легальному пути, всегда на грани, и время от времени прощупывая возможность захватить какую-нибудь фабрику, пока почва не была подготовлена и законность перестала иметь значение. Монополия силы уже перестала существовать, потому что рабочее движение выросло настолько, что стало неостанавливаемым.

Глава 8

Баланс сил

Как на глобальном уровне, в геополитике и экономике, так и на внутреннем уровне в каждой из стран существует баланс сил. Он, очевидно, неравномерный, но приобрел легитимность, стал нормой.

Россия — военная держава и огромная страна. Подразумевается, что ее более мелкие соседи, и особенно страны бывшего СССР, находятся под влиянием Москвы. Как только они хотят выйти из ее тени, Россия вторгается в их страны или вмешивается в менее очевидные способы. Соединенные Штаты, с другой стороны, также являются великой державой и имеют под своим экономическим контролем многие страны. В случае необходимости они могут вторгнуться, но всегда проще и менее рискованно разжигать споры, поддерживать оппозицию или финансировать государственные перевороты, чтобы установить правительство, представляющее их интересы.

Когда Россия вторглась в Украину, этот акт был интерпретирован как эскалация. Остальной мир решил не действовать, не вмешиваться напрямую в войну. Они поддерживают Украину оружием, но не хотят доводить ситуацию до более серьезного уровня; зачем рисковать? В большинстве войн происходит то же самое: страны, не вовлеченные напрямую, наблюдают за событиями со стороны и издалека, даже если речь идет о массовых убийствах или геноциде. Все президенты говорят о своей озабоченности мировым миром и в подавляющем большинстве случаев ничего не делают. Только

реагируют те правительства, чьи интересы поставлены на карту. Таким образом, бедные страны находятся в зависимости от богатых стран.

На народ давит двойное угнетение: со стороны мирового порядка, заставляющего страну подчиняться правилам глобального рынка, и со стороны собственного правительства, которое, как правило, лишь увековечивает эти требования на местном уровне.

В войнах, которые ведут великие державы, существует вполне обоснованная историческая идея: агрессор не останавливается сам по себе. Когда агрессору уступают территорию и власть, со временем он возвращается за большим. Это можно наблюдать снова и снова на протяжении всей истории. Когда происходит эскалация и нет сдерживающего ответа, это интерпретируется как зеленый свет для продолжения атак. Отчасти потому, что, как мы видели, фашистская машина должна продолжать работать и расширяться, иначе становится труднее поддерживать внутренний порядок.

Когда правительство применяет жестокие меры по корректировке, а общество не реагирует, происходит то же самое, что и когда одна страна нападает на другую и не получает решительного ответа. В обоих случаях угнетатель достигает своей цели и устанавливается новый статус-кво. Существует довольно наивное общее убеждение, что международные законы защищают маленькие страны от агрессии больших, так же как законы и конституция защищают народ от его правителей. Конечно, это не так.

За каждым законом, каждым международным соглашением, каждой статьей конституции стоит способность определенных субъектов применять силу в отношении нарушителя. Со временем эта сила становится более концептуальной и теоретической. Может случиться, и это часто случается, что соглашения, которые имели поддержку, на самом деле перестают ее иметь. Тогда появляется нарушитель, который эскалирует конфликт и не получает ответного удара, потому что либо сила, которая поддерживала это соглашение, больше не существует, либо потому что те, кто должен был бы ее применить, запуганы и не хотят уравнивать эскалацию напряженности.

Различные слои общества упорядочены в соответствии с их привилегиями и, как и страны, смотрят в другую сторону, когда война или кризис обрушаются на менее удачливых. Изобретательность, или, если хотите, искусство правительств заключается в том, чтобы корректировать каждый сектор по отдельности. Таким образом, они не могут объединить свои силы для сопротивления. Это та же логика, которой следуют империи: «разделяй и властвуй». Однако у кризиса и войн есть пределы, есть сектора, которые неприкосновенны, потому что могут нанести удар по правительству

там, где больно, и они очень хорошо организованы, в отличие от простых людей. Сократить прибыль транснациональных корпораций — нелегкая задача, атаковать гиганта — нелегко, поэтому атакуют слабых, и таким образом углубляется неравенство.

Не нужно бояться эскалации напряженности в ответ на агрессию. Объединившись, можно не только избежать сокращений и войн, но и перенести баланс сил в другое место, где динамику напряженности диктуют люди. Не только отражать удары власти, но и быть нами, организованным народом, который загнал правительства в угол. В конечном счете, именно мы являемся источником жизненной силы этих властей, и только с помощью культуры можно управлять нами. Не с помощью силы. В конечном итоге, никакая власть не может удержаться без легитимности.

Как мы, рабочие, можем усилить напряжение? Что мы можем сделать, чтобы ответить на постоянные нападки правительства на наше качество жизни, наши зарплаты, инфляцию? Исторически крестьяне, уставшие от жестокого обращения феодалов, поднимались на оружие. В других случаях они образовывали свободные общинны. Они защищались от ига королей собственными силами и часто платили за свое восстание самой высокой ценой. То были другие времена, но крестьяне в целом были владельцами своей земли, поэтому у них были очень сильные корни и чувство общности, что позволяло им организовывать сопротивление. Когда капитализм взял верх, крестьяне были лишены средств к существованию, их превратили в то, что было ненавистным и презренным: наемных рабочих. Несмотря на это, рабочий класс организовывался в разных частях мира и находил способы усилить напряженность в отношениях с буржуазией. Вместе они захватывали фабрики, устраивали забастовки, маршировали и протестовали способами, которые сегодня многим показались бы полным безумием.

Оставим в стороне дискуссию о том, разумно ли требовать чего-либо от буржуазии или государства, учитывая, что на самом деле их власть и управление являются незаконными.

Я хочу отметить другое: такие формы эскалации напряженности, или, по крайней мере, ее уравновешивания в ответ на постоянные меры жесткой экономии в интересах эксплуататоров, сегодня практически не существуют. Когда вы в последний раз слышали о всеобщей забастовке? О захвате фабрики? На самом деле, в сознании многих людейочно укоренилась идея, что все это бесполезно, что не стоит участвовать в протестах.

Вследствие коррупции профсоюзов, которые вели переговоры с властью и снижали интенсивность организованного сопротивления рабочих, сегодня у нас уже нет способа уравнять эскалацию напряженности с нашими

господами. Мирные марши, попытки бойкотировать продукты, чтобы продемонстрировать, что «сила у нас, потребителей», или какие-то другие прогрессивные басни.

Борьба утратила легитимность, идеалом кажется работа с принятием любых условий без жалоб, потому что, если мне не нравится, я могу найти другую работу.

Но как удалось ослабить, разъединить, раздробить борьбу рабочих?

Помимо общего фона, которым является прогресс капитализма, делающий нас все более индивидуалистичными, власть прибегла к ряду пагубных практик для достижения своей цели. Военные диктатуры в Латинской Америке уничтожили борьбу рабочих с помощью государственного террора. Однако в глазах современного населения они кажутся фашистским выходом из положения. Считается, что революционеров убивали и исчезали, а затем, под давлением общества, власть была передана демократии.

Демократическое правительство рассматривается как спаситель, но оно не восстанавливает прежние условия. Оно действует на новой основе и использует страх, который остается в населении на протяжении поколений. Таким образом, военные уходят не из-за давления общества, а потому, что их работа закончена. Они уступают место демократическому правительству, чтобы избежать долгосрочных конфликтов, потому что, хотя они и не говорят об этом, они знают, что их авторитарное правление всегда является незаконным.

Так формируется корректировка, всегда направленная вниз. Мы испытываем облегчение от ухода де-факто правительства, да, но что оно оставляет в качестве нормы? Выжженную землю, раздробленное общество, смирившееся с индивидуализмом. Эта идея пришла мне в голову много лет назад, и, поскольку она, возможно, очень спорная, я не смог ее развить: авторитарное правительство в некотором смысле легче бороться. Нет масок, есть явный фашизм, который невозможно скрыть. Да, есть нарратив, который пытается его оправдать, но в глазах любого логически мыслящего человека ничто из этого не может быть законным. Так что же мы празднуем, когда отмечаем демократию? Конечно, мы не хотим исчезать и подвергаться пыткам, как во время диктатуры, но что же праздновать, если диктатура достигла своей цели? Даже если репрессивные и геноцидные режимы будут судимы, даже если мы будем говорить «Никогда больше», сможем ли мы вернуться к тому, как было раньше?

Некоторые, возможно, скажут, что вернуться к прежнему распределению доходов невозможно, потому что все изменилось. Именно в этом и заключается достижение: в том, что с помощью репрессий была проведена жестокая реформа, и сегодня мы считаем, что этот уровень обсуждения в экономическом плане недостижим.

Сегодня мы живем в реальности, где протестовать – это удел бездельников, а бастовать – удел террористов. Какие инструменты у нас остаются?

Демократия и диктатура играют с нами в игру «хороший полицейский – плохой полицейский». Мы испытываем облегчение, когда возвращается хороший полицейский, но он делает это только для того, чтобы закрепить то, чего добился плохой полицейский с помощью пыток и вымогательства.

Когда происходит корректировка, как это видно в Аргентине при правительстве Милеи, утверждается, что она была неизбежна в силу сложившихся обстоятельств: неустойчивая инфляция, чрезмерные государственные расходы на услуги и т. д. Рабочий класс, сдавшись, соглашается. Нет никакой веры в то, что можно продолжать сопротивляться, инфляция побеждает заработную плату год за годом. Мы не учтываем, что инфляция «является» показателем сопротивления, свидетельством борьбы на рынке за цены против борьбы работников за заработную плату. Они не могут договориться. Цены растут, потому что буржуазия хочет зарабатывать больше, поэтому правительство и профсоюзы договариваются о соответствующем повышении заработной платы, что снова приводит к росту инфляции.

Какова роль полиции перед лицом этих попыток власти эксплуатировать нас все больше и больше? Ее функция — поддерживать порядок, да, но какой порядок?

Они не будут предотвращать эскалацию со стороны власти, они всегда будут готовы остановить ответную эскалацию со стороны народа.

Предположим, что в один прекрасный день президенту придет в голову резко повысить все налоги. Что может сделать народ в ответ? Выйти на улицы с плакатами. Хорошо. Предположим, что это сделано, и ничего не происходит. Что еще? Может быть, захватить фабрику, перекрыть улицу, ворваться в здание правительства или устроить забастовку. Но там будут полицейские, которые не позволят этого сделать. Тогда становится совершенно ясно, что порядок, который они защищают, — это порядок эксплуатации, они — стражи рабов, у которых нет никаких реальных прав, в то время как правительство делает все, что хочет.

Так же как в мире существует баланс сил, который не позволяет одной нации взять под свой контроль все, так и в обществе должны быть разные секторы, обладающие достаточной властью, чтобы ни один из них не мог стать диктатором. Фактически, разделение властей в государстве было задумано, предположительно, с этой целью, и любой либерал отстаивает его до последнего.

На практике это разделение властей является лишь прикрытием. Президент может назначать судей по своему усмотрению, управлять с помощью мегадекретов и налагать вето на любой закон, который ему не нравится. Даже когда оно функционирует «хорошо», это разделение властей существует только для того, чтобы распределять вещи между экономическими силами и бороться друг с другом за кресла.

Как можно сравнивать эскалацию напряженности с продвижением фашизма? На самом деле, кажется противоречивым отвечать тем же на

его постоянным нападкам, потому что здравый смысл подсказывает нам, что нужно пытаться смягчить тон дискуссии, не впадать в насилие. Тогда мы должны принять язык ненависти, потому что он является формой свободного самовыражения, мы должны нормализовать угнетение различных меньшинств и рабочих, потому что у нас нет законного способа противостоять этому. Наши «представители», все более и более странные личности, выдвигают бредовые нарративы, бросая вызов истории и памяти.

Ненависть, которую они сеют, затем взрывается в обществе, и они несут за это прямую ответственность. Тем не менее, когда кто-то отвечает индивидуальным насилием, это действие считается неуместной эскалацией. Прогрессисты будут называть это ужасом, хотя и сделают оговорку, что жертва — это монстр. Фашисты скажут, что это святой человек, и будут требовать свободы слова, одновременно еще больше усиливая государственное насилие, оправдываясь изолированным фактом. Возможно, они даже скажут, что сейчас идет война, война, которую они сами начали и которую прогрессисты отказываются видеть.

Значит, лучше не поднимать шум? Таков, похоже, вывод, к которому пришло покорное население. Нас убивают, нас эксплуатируют, а мы в ответ на все это создаем мемы. Поскольку, похоже, ничего не поделаешь, политическая активность — это обман, «улица» — арена партийной борьбы, развертывание идеологических солдат в качестве демонстрации силы. Все это с целью убедить власть смягчить меры по сокращению расходов. Это шутка? Дело в том, что у нас нет способов противостоять экономическому росту: нас бедствуют день за днем, и что мы должны сделать, чтобы ответить компаниям? Перестать есть? Физическое насилие кажется неуместным, когда на карту поставлена экономика, меры жесткой экономии или речи ненавистников, однако существуют и другие формы насилия, не менее пагубные. Необходимо перестать рассматривать физическое насилие как проявление варварства, которое дегуманизирует и унижает тех, кто использует его для защиты от других форм угнетения.

Я хорошо помню, как в 2017 году Маурисио Макри ввел временную реформу, которая нанесла ущерб пенсионерам. В ответ на эту жестокую атаку на экономическую мощь уязвимого сектора тысячи людей вышли на улицы, чтобы протестовать, и были жестоко подавлены. Символом этого протesta стал активист-рабочий, который запустил своего рода миномет и был преследуем вплоть до международного ордера на его арест. Многие люди, вместо того чтобы критиковать меру, которая обнищала их дедушек и бабушек, занимались созданием мемов про «толстого минометчика», другие же осуждали его за протест. Конечно, насилие исходило не от правительства и не от полиции

которые стреляли в них газом и резиновыми пулями, нет, она исходила от него, он был не на своем месте, он накалял обстановку.

Это очень хитрый ход со стороны государства — отделять политические меры, речи и пропаганду от физических действий. Для решения физических действий есть полиция, жандармерия и военные, так что если хотите, идите с ними сражаться на улицы. Для противодействия мерам существуют другие меры, то есть мы живем в своего рода платоническом мире. Существует мир идей и физический мир. Мы, простые граждане, не имеем возможности предлагать другие меры или противодействовать тем, которые предлагает государство. Поэтому мы либо участвуем только в голосовании каждые 4 года за нового квазимонарха, либо попадаем в эту реальность, когда нам приходится сравнивать нашу ударную силу с полицией. Усугубляет ситуацию то, что, помимо всех недостатков, мы едва реагируем на репрессии на улицах, и нас втягивают в абсурдную полемику.

Логично, что выхода нет, потому что система устроена таким образом, что не предлагает нам никакого решения в рамках своих правил игры. Принять это означает смириться с существованием в рабстве. Понять — это самый большой вызов, но, поняв механизм, мы сможем его разрушить.

Глава 9

Проклятая полиция

Прежде чем гнев поглотит меня, я выплюну эти слова против полиции, учреждения, природа которого прекрасно объясняет функционирование и внутренние противоречия системы, в которой мы живем.

23 ноября 2025 года 34-летний Самуэль Тобарес был убит сотрудниками полиции Кордобы. Свидетель утверждает, что его забили до смерти и оскорбляли, называя «гребаным ублюдком». «У него был поврежден череп и отсутствовали зубы», — сказала мать жертвы.

Это преступление не является случайностью, оно соответствует функциям полиции.

На экранах голливудских кинотеатров нам продают образ полицейского-героя, спасителя, преданного своему делу, который расследует преступления и борется с преступностью, такого как Йохан Макклейн или Робокоп. Реальность же совсем иная, но давайте по порядку:

Следуя за Дэвидом Грэбером, который описывает современные «дерымовые работы», сотрудники правоохранительных органов выполняют главную роль, которая заключается в том, чтобы быть лакеями, приспешниками и связующим звеном системы. Полиция — это декорация социального порядка, ее присутствие напоминает нам, что мы находимся под постоянным наблюдением. Это театр дисциплины: патрулирование, наблюдение, проверка документов. Это не борется со структурной преступностью, это ритуал, который заставляет население усвоить послушание. В своей роли приспешников они действуют против реальных или мнимых угроз системе. Они защищают экономические или классовые интересы. Наконец, как связующее звено, они борются с некоторыми симптомами основных социальных проблем, никогда не затрагивая их суть.

Да, существует реальная полицейская работа — та, что показывают в фильмах, — но она составляет лишь незначительную часть задач. Остальное — это бюрократия, дисциплинирование, нормализация и исправление. Однако эти функции защищаются от критики под покровом морального имиджа учреждения, борющегося с преступностью.

Насколько парадоксально, что тот же полицейский, который подавляет вас на протесте, является тем, к кому вы обращаетесь, когда у вас крадут мобильный телефон? Если учреждение, которое вас контролирует, также является тем, которое вас спасает, то вы никогда не сможете рассматривать его как проблему.

Вопрос неизбежен: если завтра исчезнет полиция, что, по вашему мнению, произойдет? Хаос. Мародерство. Насилие. Закон джунглей. Война всех против всех.

Нам внущили, что единственное, что сдерживает убийство, кражу или изнасилование, — это страх наказания. Не потому, что мы собираемся совершить эти преступления, а из-за постоянного подозрения, что «другие» могут это сделать. Любопытно: большинство людей живет в районах, где люди дружелюбны, где никто не ведет себя как зверь. Тем не менее, мы всегда верим, что в другой части города есть опасные банды, готовые напасть на нас, если полиция перестанет существовать хотя бы на пять минут.

Реальность проще и менее драматична. Большинство преступлений не раскрывается. Подавляющее большинство людей не стали бы преступниками, даже если бы не было полиции и тюрем. Эти два факта уже развенчивают большую часть вымысла.

Наше повседневное сосуществование доказывает это. Мы все могли бы относиться друг к другу гораздо хуже: нападать друг на друга, ломать чужие вещи, оскорблять незнакомых людей или воровать мелкие предметы, чтобы никто не заметил. И все же мы этого не делаем. Нет.

Не потому, что на каждом углу стоит полицейский, наблюдающий за нами, и не потому, что нас «дрессировали», как лабораторных животных. Нас сдерживают негласные договоренности, правила сосуществования, которые мы уважаем, потому что знаем, что без них жизнь была бы сложнее для всех. Если я плохо обращаюсь с людьми, они будут меня избегать. Если я их обокраду, они будут со мной бороться. И если ситуация обострится, только тогда появится полиция, потому что мы передали государству управление серьезными конфликтами. Но это не значит, что без государства конфликты не будут разрешаться. Они будут разрешаться по-другому, без тюрем и судебных механизмов, предназначенных скорее для наказания, чем для исправления.

Тогда возникает ключевой вопрос: как меньшинство — институты, силы правопорядка, государственный аппарат — удерживает под контролем миллионное население? Оно делает это с помощью тщательно продуманной и повторяющейся на протяжении веков мистификации.

Сначала создается мораль, которая определяет, что является преступлением, а что — допустимым. Многие законы закрепляют то, что уже было согласовано. Со временем эти законы искажаются, чтобы служить интересам тех, кто обладает властью. Если существует неравенство, голод или отчаяние, некоторые захотят нарушить эти нормы, и тогда вступает в действие второй шаг стратегии.

Создается иллюзия тотального контроля. Нас немного, да, говорят охранники, но у нас глаза и уши повсюду. Неважно, совершаете ли вы преступление в одиночестве, в тишине, в укромном уголке, где вас никто не видит: рано или поздно мы вас поймаем. Эта иллюзия укрепляется с каждым днем благодаря заголовкам и новостям, которые выполняют сразу несколько функций: вселяют страх, вызывают взаимное недоверие, показывают нам преступников повсюду.

Третий шаг — наказание. Тюрьма представляется как необходимый ад, образцовое страдание, которое должно отпугнуть нас. Немногие задаются вопросом, действительно ли она служит чему-то, кроме разрушения жизней, но ее функция никогда не заключалась в исправлении: она должна вселять страх.

С помощью этих трех инструментов — морали, сформированной сверху, воображаемого надзора и жестокого наказания — послушание становится почти автоматическим. Государство не может предотвратить или раскрыть большинство преступлений, но страх перед их последствиями достаточен для того, чтобы мы даже не задумывались о нарушении правил. Хотя многие законы несправедливы, если все вокруг меня их соблюдают, то скорее всего, я тоже буду их соблюдать. Хотя я живу в окружении хороших людей, если каждый день мне показывают на экране убийц и насильников, я буду с подозрением относиться к любому незнакомому человеку.

Вот мы и оказались во власти государственной силы, которая кажется всепроникающей и морально превосходящей нас. Единственное, что удерживает нас от того, чтобы быть пожранными друг

другими. Левиафан, которого мы создали из страха перед нашей собственной природой и который, как ни парадоксально, воплощает в себе все самое худшее в ней. Полиция почти на всех уровнях является одной из самых коррумпированных, произвольных и склонных к фашистскому насилию институций. Это не просто догадка: зачастую эта же институция защищает организованную преступность, отстаивает несправедливую власть против народа и позволяет многим использовать свою власть, чтобы дать волю своей ненависти.

Расизм, преступления против сексуальных меньшинств, насилие в семье — все это обычное дело для полицейских. Их характер и поведение усиливаются в этой среде: люди, жаждущие власти, авторитета, чтобы нормализовать и наказывать других, — это люди, которые, чувствуя себя уполномоченными, становятся жестокими.

Почему избиение молодого человека до смерти под крики «гребаный пидор» вписывается в этот цикл? Потому что для полиции гомосексуальность является признаком глубокого отклонения, вызовом норме, которую они считают своей обязанностью защищать. Как мы уже видели ранее в книге, спираль фашизма строится на таких актах нормализации и дисциплинирования. Фактически, полицейский аппарат несет ответственность за большую часть грязной работы государства, которое запутывает наши жизни бюрократией, слежкой и насилием. Это те, кто скрепляет проволокой по сути несправедливую систему, спасая нас от наших собственных призраков.

Глава 10

Нигилистические истоки анархизма

Надеюсь, я ошибаюсь, но мне кажется, что люди, интересующиеся историей, в частности историей анархизма, исчезают. Таким образом, события прошлого, великие подвиги, сражения и идеи будут практически забыты, а вместе с ними и необходимые знания об идеологических и философских истоках. Когда речь заходит о современном анархизме, редко слышишь о его нигилистических истоках. Поэтому я хочу посвятить этому небольшой раздел в этой книге, следуя работе «*Послы ничтожества*», посвященной русскому нигилизму и его связи с революционной деятельностью.

Какова связь между нигилизмом и анархизмом? Нигилизм — от латинского «*nihil*» (ничто) — это совокупность идей, объединенных отказом от божественности, от смысла человеческой жизни, от идеи неотъемлемого смысла существования и от заранее установленных ценностей. Вероятно, читателю на ум придет Ницше, поскольку именно благодаря ему некоторые основные идеи нигилизма стали популярными на Западе. Однако важно учитывать, что Ницше не был нигилистом, а его работы отражают лишь определенную форму этой философии.

Нигилизм, понимаемый как отказ от трансцендентных ценностей, так же древен, как и первые критические высказывания в адрес религии. Эта философия присутствовала в нашей истории с самого ее начала, хотя конкретной формы она обрела в современности только благодаря Артуру Шопенгауэру, мыслителю, на чьи работы опирался Ницше, предлагая более совершенное видение своего пассивного или пессимистического нигилизма. Параллельно с этим в России возникает революционное движение, основанное на нигилизме, которое бросает вызов установленному порядку: царю, буржуазии и морали своего времени.

Данное движение, зародившееся вначале в определенных академических кругах, выразило свое возмущение господствующим в России неравенством в борьбе против действующих чиновников и даже дошло до цареубийства. С социалистической революцией некоторые из нигилистов, входивших в движение, присоединились к коммунистам, а другие — к анархистам. Флагом и символом нигилистов того времени был черный цвет. С тех пор и до сих пор это цвет, принятый анархизмом наряду с красным, или буква А. В этом упоминании, я думаю, очень ясно видно влияние нигилизма на анархизм в его истоках. Действительно, если посмотреть на действия и идеи, то у них очень много общего.

Русский нигилизм — далекий от поощрения покорности, апатии или поиска способов ухода из жизни в обществе, характерных для пассивного нигилизма — был направлен на выражение ярости против принуждения со стороны государства и абсурдных моральных норм. Когда мы читаем о том, как русские нигилисты того времени вели себя вызывающе и провокационно, насмехаясь над буржуазией, иерархиями и властями, мы находим много общего с анархистами, а также с вызывающим образом, которым Ницше представлял свои идеи. Чем больше мы читаем этого философа, тем больше общих черт мы находим между его постнегилизмом и анархизмом, поскольку оба, в конечном счете, исходят из активного неприятия установленного порядка и верят в способность человека к самоуправлению, к тому, чтобы не быть управляемым другими как раб. Это не

означает, что Ницше был анархистом или что анархизм является ницшеанским, но они разделяют определенные критические импульсы.

Ницше говорит о своем неприятии слабости, но не из жестокости, а из необходимости преодолеть эту слабость, не полагаясь на более сильного, то есть не вызывая асимметрии в отношениях власти, которая наносит ущерб слабым, поскольку порождает зависимость. Анархизм, в этом смысле, продвигая прямое действие, отвечает точно такой же логикой: единственный способ сломать асимметрию — это обрести силу, перестать просить правительство или власти о нашем благополучии, это освободить себя как человечество. Как известно, Ницше предлагает индивидуалистический путь и фокусируется на негативной свободе, в то время как русский нигилизм и коллектivistский анархизм также ставят на позитивную свободу и борются за равенство на базовом уровне, осознавая, что эти цели должны быть достигнуты без увековечения властных отношений.

По сути, нигилизм можно рассматривать как действие, подрывающее ценности. Работа, демократия, меритократия, национализм, религия, государство — все это ценности или институты, воплощающие ценности, которые критиковались на протяжении всей этой книги. Их лишили морали, подрывали, но не просто потому, что они прогнили, а предлагали вместо них новые ценности, чего классический нигилизм не делал бы. Он ограничился бы разрушением, надеясь или будучи уверенными, что после этого появится что-то новое.

В отличие от нигилизма, анархизм по сути своей гуманичен, но не с наивной точки зрения. Он не верит в то, что человек по природе добр, или в какие-то другие антропоцентристические сказки.

Анархизм — это мрачный гуманизм. Он осознает слабость человека, его стремление к власти, его способность причинять вред, его самую извращенную сторону. Он также знает, что большая часть негатива является продуктом культуры и может быть обращена вспять. Анархизм не верит в идеальный мир или совершенное общество, но предлагает меры для создания более здоровой культуры, которая максимально ограничит наши пороки. Мы не хороши и не плохи по своей природе, мы имеем потенциал быть такими, развивать лучшие или худшие способности, в зависимости от системы, в которую мы встроены.

Разница проста: анархизм не отрицает темную сторону человеческой натуры. Он воспринимает ее всерьез и поэтому создает мир, в котором никто не имеет достаточной власти, чтобы превратить ее в режим.

Эпилог: Без страха перед противоречием

Исторически сложилось так, что патерналистское государство, характеристики которого мы подробно рассмотрели в этом тексте, было ярым врагом критики. На протяжении веков высказывание чего-либо против короля, системы или церкви было равносильно смертному приговору. В Западном мире это изменилось с приходом демократической капиталистической системы, но вместо того, чтобы приблизить нас к освобождению, она помогла смягчить недовольство эксплуатацией, превратив его в нечто психологически более терпимое. Политики больше не боятся критики, более того, мы можем выходить на улицы и кричать, что система не работает, мы можем публиковать исследования о политической коррупции, войнах или полицейском произволе. Все это, в определенной степени, принято. Нам разрешается тихо жаловаться, нам разрешается создавать мемы, смеясь над правителями, создавать свой собственный канал на YouTube и говорить практически все, что мы хотим. Все это теряется в вихре доступного контента, но высказывание своих чувств облегчает дискомфорт и даже вызывает чувство принятия и понимания через лайки, просмотры или подписчиков.

В глубине души большинство может согласиться с тем, что правительство в его нынешнем виде не работает. Сегодняшняя система не требует, чтобы вы в нее верили, это не представляет никакого риска: она не требует, чтобы вы верили в бога или участвовали в общественной жизни. Она не требует, чтобы вы считали ее справедливой, она только требует, чтобы вы приняли ее как неизбежность.

Большой вклад в эту идею внесло распад Советского Союза, потому что раньше люди верили, что есть альтернатива, и поэтому рабочее движение во всем мире было гораздо более опасным. Если у нас нет другого горизонта, борьба всегда будет реформистской.

Но каким может быть этот горизонт? Какая система может работать, не будучи ни капиталистической, ни социалистической?

Проблема не в названии, а в том, что система, основанная на других ценностях, требует другого подхода к сообществу, который может быть реализован только на основе населения. Чтобы достичь этого, необходимо изменить сотни лет идеологической обработки и победить не только ежедневную пропаганду, но и большую часть культуры, укоренившейся в обществе, построенной и разделяемой. Необходимо победить удобство послушания. Необходимо победить безопасность вечного рабства. Необходимо заразить людей желанием новизны, риска и бунтарства.

Люди разработали психологические защитные механизмы, мы цепляемся за порядок и спокойствие, за предсказуемость. Очень трудно выйти из этой позиции. Это слои и слои защитного лука. Броня, которую мы носим: «нет другого выхода», говорят нам с самого рождения, «систему нельзя изменить», приспособливайся, привыкай.

И вот тут-то и появляются современные «решения», способы смягчить всю эту фрустрацию: стоическая самопомощь, индивидуалистический морализм, который мы уже видели, партийность, которая дает нам иллюзию перемен внутри той же системы. «Прими то, что не можешь изменить», — говорит нам стоицизм. Очевидно, что индивидуально мы не можем изменить многое, но другой человек становится все более сложным, более отдаленным, более страшным.

Независимо от того, сколько всего говорят, люди хотят «решения» для всего. По возможности, чтобы оно было простым и не требовало больших усилий и рисков. Хуже того, многие уже смирились, что является ничем иным, как победой системы: «Я не голосую, потому что все политики одинаковы» или «В конце концов, они все договорились между собой, зачем голосовать?».

Даже когда мы бунтуем против системы, мы делаем это в рамках, предусмотренных ею. И так на сцену выходят персонажи, которые заявляют, что не являются политиками, и многие голосуют за них именно потому, что они олицетворяют для них это «аполитичное» чувство. В результате, из-за коррупции люди теряют веру в политику, все меньше участвуют в ней, оставляя дорогу открытой для еще большей коррупции. Мы считаем, что отстранение от политики — это акт, который лишает правительство доверия, бросает вызов нормам и демонстрирует наше несогласие. У меня есть новость для всех, кто так думает: все, что вы делаете, — это облегчает работу политикам. Им не нужна ваша поддержка. Даже если на выборы придет 20 % избирателей, они все равно будут продолжать свой цирк.

Упрощать — это легко, все мы так или иначе попадаем в эту ловушку. Чтобы жить день за днем, мы создаем себе рассказ о себе, свою собственную историю, рассказ об обществе. Эта история полна обобщений, предрассудков и упрощений, потому что человеку невозможно знать все, а то, чего мы не знаем, мы придумываем. Мы заполняем пробелы в знаниях тем, что мы знаем. Таким образом, «все политики одинаковы», потому что я знаю нескольких коррумпированных и мне легко распространить это знание на остальных. Чтобы снять покров этого невежества, требуется затратить энергию: выйти из зоны комфорта, принять риск того, что в некоторых случаях я могу ошибаться. Все идеологии предлагают нам место комфорта: они объясняют мир на основе стереотипов, обобщений, предрассудков. Но они объясняют его. И это дает ощущение безопасности. Если я говорю, что социальная жизнь сводится к

классовая борьба, и есть только две стороны: рабочие и капиталисты, причем одни хорошие, а другие плохие, — это очень упрощенный взгляд на мир. Даже в анархизме мы можем впасть в эту упрощенную точку зрения, если я скажу, что государство — это плохо, а люди — его жертвы, это тоже очень упрощенный взгляд на жизнь. Это отражает смысл фразы, с которой начинается эта книга: «... За каждым из представленных нами концептов стоят люди, которые страдают, которые отчуждены и невидимы...», потому что с такими обобщениями мы забываем о реальном, о материальном, о повседневном. Идеологии инструментализируют наш образ мышления. Они упрощают сложность. Они упрощают дискуссии и изолируют нас. Даже когда мы утверждаем, что «идеологии плохи», мы впадаем в ужасную упрощенность.

Мы не говорим, что мы анархисты, чтобы уйти от политической дискуссии и освободить себя от участия в жизни *полиса*. Совсем наоборот. Легко попасть в ловушку упрощения и нарратива, анархизм учит нас критически относиться к этому, поэтому я предлагаю его как «решение». Дело в том, что наш образ мышления сформирован, отформатирован этой системой, в которой капитализм представляется нам естественным и неизбежным. Все остальное кажется нам утопией. Какой смысл описывать, как будет функционировать идеальное общество, без власти и основанное на взаимопомощи? Если нет реальной воли к переменам, всегда найдется повод ничего не делать.

Для того чтобы произошла реальная трансформация, я считаю, что «утопично» ожидать перемен в большинстве общества. Идея работать с низов, пока не сформируется сознание, очень благородна и может принести пользу, но это капля в океане существующей пропаганды и культуры. Нет.

Давайте подумаем так: сегодня меньшинство уничтожает жизнь большинства. Закладывая его будущее, разрушая его природу. Огрубляя. Обедня. Они превратили нас в рабов. Это меньшинство укоренилось у власти, и они не уйдут, если мы их об этом вежливо попросим. Единственный способ изменить эту реальность — социальная революция. Не обязательно большинства, вполне может быть и часть населения, которая готова к этому. Необходимо изменить динамику власти, добиться плюрализма и динамиза. Не занимать место власти, не захватывать его с помощью более сознательной группы или элиты, а смешать ее. Столько раз, сколько будет необходимо. Это система, механизмы которой самовоспроизводятся. Они приносят взаимную выгоду, чтобы продолжать функционировать, то есть эксплуатировать и угнетать, выжимая из нас и из природы все соки. Необходимо показать, что другой способ делать вещи возможен.

Однако сначала необходимо радикализировать идеи, чтобы затем радикализировать действия... Создавать очаги сопротивления, делиться знаниями, обсуждать и налаживать связи между товарищами и товарищами — это необходимо. Это этап, который мы, вероятно, никогда не преодолеем? Возможно, но по пути мы сеем семена и создаем сообщества, какими бы маленькими они ни были, основанные на ценностях, которые мы разделяем, и без страха перед противоречиями.

В эту эпоху дегуманизации, в которой мы живем, то, что вы, читатель или читательница, дошли до этого места, является актом бунта. Вы уже обладаете жизненно важными знаниями, которые можете использовать для преобразования реальности. Вы уже знаете, как работает механизм власти и угнетения. Дальше решать вам. Эта книга кричит вам, чтобы вы не оставляли ее на полке, послушаетесь ли вы ее?